УДК 82–94(47) «19»(049.3)
ББК 63.3(2)6–8
М 27

Владимир Марковчин
Елена Широкова

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА Х.-У. Д. МАМСУРОВА («КСАНТИ»)

АННОТАЦИЯ

Документальная архивная публикация знакомит с личными материалами Х.-У. Д. Мамсурова — выдающегося советского военного разведчика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Великая Отечественная война; СССР; Германия; Х.-У. Д. Мамсуров; РККА; военная разведка.

НАСТОЯЩАЯ документальная публикация посвящена Хаджи-Умару Джиоровичу Мамсурову, генерал-полковнику и заместителю начальника Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил Советского Союза, стоявшему у истоков партизанского движения Великой Отечественной войны, а также армейского спецназа. Современные исследователи спецслужб не обходят биографию Мамсурова своим вниманием[1]; однако, к сожалению, многие эпизоды жизни знаменитого разведчика остаются недостаточно исследованными. Вошедшие в настоящую подборку документы, написанные самим Мамсуровым: автобиографии, написанные в разные годы (1938 и 1947), выступление в Институте рабочего движения АН СССР (1966) и наброски воспоминаний, датированные тем же годом, — вобрали в себя большое количество фактов из его жизни, начиная с рождения и до учебы на высших академических курсах; многие имена разных людей, начиная от друзей по оружию и заканчивая непримиримыми врагами.

Поразительная преданность своим идеалам, кристальная честность и порядочность, вызывающая скромность — удел многих героев прошлых лет, и все-таки имя Мамсурова стоит даже в их ряду особняком. И читая написанные им строки о воюющей Испании, о начале Великой Отечественной войны советского

народа, о резкой смене «фронта за линией фронта» на передовую, о деятельном участии в окончательном разгроме немецко-фашистских войск, не возникает никаких сомнений в их правдивости.

Далекий от интриг, результатами которых становились чьи-то новые звания, награды, должности, он по отношению к себе оставался исключительно строг и требователен. В том числе и за это его уважали и ценили, причем не только однополчане и братья по оружию, но и их потомки. Поэтому не случайно, что совсем недавно, 16 февраля 2015 года, в испанском городе Фуэнлабрада (пригород Мадрида) в торжественной обстановке был открыт памятник Хаджи-Умару Мамсурову — легендарному «Ксанти».

Герой Советского Союза генерал-полковниик Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров

№ 1

АВТОБИОГРАФИЯ
на полковника Мамсурова Хаджи-Умара Джиоровича[2]

Я родился в 1903 или в 1904 году в бывшей Терской области во Владикавказском округе, а теперь в Северо-Осетинской Автономной ССР Орджоникидзевского района с. Ольгинское. (Точную дату моего рождения не знаю ни я, ни мои родные, которые говорят, что я родился перед или в начале Русско-японской войны. В 1920 г., во время отправки добровольцев на Врангелевский фронт из Терской обл., партшколы, где я тогда учился, я написал 1903 год рождения, так как не принимали добровольцев моложе 1903 года рождения, и с тех пор почти все время пишу свой год рождения 1903-й.)

Я родился в семье крестьянина-горца. Усыновлен своим старшим братом, ныне отцом Джиором. Отец мой Джиор Мамсуров теперь колхозник с 1928 г. до Октябрьской революции около 20 лет был батраком и пастухом. Позже он стал вести свое хозяйство и был до вступления в колхоз середняком. (В 1920 г. местные органы власти, по распоряжению т. Серго Орджоникидзе, помогли ему восстановить разрушенное белыми хозяйство). Сейчас он в колхозе «Коминтерн» с. Ольгинское Орджоникидзевского р-на Северо-Осетинской Авт. ССР. Он совершенно неграмотен. С ним живут брат мой Канцау — около 20 лет, комсомолец, где сейчас точно не знаю, сестра моя Дунехтан около 15 лет и мать Лижа. Брат мой (формально дядя) Саханджери Мамсуров был арестован в декабре 1935 г. в г. Пятигорске и был якобы сослан на 7 лет. Точных данных о нем не имею. Связи у меня с ним с 1931 г. не было никакой, а до этого встречался один раз в несколько лет.

Никто из моих родственников не живет и не жил [за границей].

Женат вторично. Жена моя — Паулина Вениаминовна Абрамсон, 23 лет. Награждена орденом Красного Знамени. Работает в школе испанских детей в Москве учительницей. Отец жены — Вениамин Миронович Абрамсон до 1925 г. был рабочим. Был в эмиграции с женой в Аргентине из царской России. Сейчас

он работает по заданию НКО. Награжден в 1938 г. орденом Красной Звезды. Сестра жены — Аделина Абрамсон также награждена в 1938 г. орденом Красной Звезды и сейчас учится на Рабфаке в Москве.

Я до 1918 г. был и работал в хозяйстве отца Джиора. Иногда нанимался пастухом и на полевые работы.

В июне 1918 г. я поступил добровольно в Красную Армию в отряд Владикавказского Совдепа, в составе которой участвовал в боях против белых казачьих банд. В августе 1918 г. после захвата белыми г. Владикавказа, я бежал с несколькими красноармейцами к себе домой и оттуда через несколько дней уехал в г. Пятигорск и вступил в Горскую сотню X1 Армии, в составе которой участвовал во многих боях против белых, аресте и расстреле контрреволюционеров. В конце 1918 г. во время отступления X1 армии я заболел тифом и почти без сознания был оставлен между ст. Прохладная и Муртазово, вместе с другими больными и мертвыми красноармейцами. Меня и еще одного матроса, по фамилии, кажется, Вишняков подобрал проезжавший мимо кабардинец на арбе из села Астемирово, где мы прожили до выздоровления и работали как батраки (белые части в аул не входили). Через некоторое время я поехал домой в с. Ольгинское, но оно было занято белыми и я начал скрываться и ушел в Ингушетию, куда белые не прошли. В Ольгинском дом отца был разрушен белыми, отец сидел в тюрьме, а мать с детьми жили у разных родственников.

Ольгинское было конечным пунктом, занятым белыми и дальше они не прошли.

С середины 1919 г. я начал работать по связи между партизанскими отрядами Осетии, Чечни и Ингушетии.

Вместе с другими партизанами участвовал в стычках с белыми, уничтожении постов и караулов, уничтожении штаба 6 пластунской Кубанской бригады белых, в подрывании ж.д. и поездов белых. Разбрасывал листовки ночью в населенных пунктах, где были белые части. Об этом многим известно в с. Ольгинском. В конце 1919 г. участвовал в боях против белых в составе ингушских партизан, во время наступления белых на Ингушетию. В 1919 г. был ранен в руку белым офицером.

В начале 1920 г. с приходом частей Красной Армии, я активно участвовал в ликвидации оставшихся белых банд и изъятии контрреволюционного элемента. К этой работе был привлечен органами ЧЕКА. В составе ряда частей Красной Армии (169 сп. и друг.) участвовал в боях с остатками белых банд. Как хорошо знавший район я принес большую пользу.

В марте 1920 г. комиссаром 169 сп.[3] я был вовлечен в партию и комсомол. В середине 1920 г. Терский областной комитет РКП(б) вызвал меня и направил учиться в Терскую областную партшколу, в составе которой я участвовал в ликвидации казачьих восстаний в Терской области. С сентября 1920 г. по окончании партшколы, работал инструктором Владикавказского окружкома РКП (б) и по линии ОблЧЕКА[4] по изъятию контрреволюционного бандитского элемента. (В результате этой работы на меня несколько раз производились покушения на убийство со стороны этого элемента).

В начале 1921 г. Обком партии послал меня политбойцом в эскадрон ОО X армии, с которым был на фронте против грузинских меньшевиков. В горах был обморожен и в феврале 1921 г. привезен во Владикавказ в госпиталь,

откуда в марте 1921 г. областной комитет РКП(б) отправил меня учиться в Свердловский[5] коммунистический университет, откуда по прибытии был переведен в Коммунистический Университет Трудящихся Востока (КУТВ). По прибытии в КУТВ в апреле 1921 г. до августа 1921 г. я был послан на лесозаготовки под Москвой. В августе 1921 г. началась чистка партии. Я, уезжая из Владикавказа в Москву, не взял с собой партбилета и личного партдела, а имел на руках временное удостоверение, комсомольское и документ, что я инструктор Владикавказского Окружкома РКП(б). Без партбилета и личного дела, я, по заявлению секретаря парторганизации, чистку не мог пройти. На его и мои запросы во Владикавказский окружком о присылке партбилета и личного дела — ответа не было и я, не пройдя чистку партии, выбыл из партии. Нужно отметить, что тогда письма из Москвы до Владикавказа шли до двух месяцев. По совету секретаря парторганизации я вновь подал заявление о приеме в партию, но так как прием в партию после чистки был прекращен, меня приняли в кандидаты партии в феврале 1923 г. (В 1924 г. я обнаружил свое личное партдело в архиве Владикавказского Окружкома РКП(б) и в конце 1924 г. с этим делом я подал заявление о восстановлении мне партстажа в ДПК[6] 22 стр. дивизии, которая ходатайствовала о восстановлении мне стажа, а также Кубанская окружная КК, но Северо-Кавказская КК не восстановила этот стаж, потому что я не прошел чистку партии 1921 г.) В члены ВКП(б) я принят в августе 1924 г. ДПК 22 стрелковой дивизии в г. Краснодаре. Партбилет № 2205749 выдан мне марте 1938 г. ПУ РККА. В КУТВе я работал в комсомоле и пропагандистом на предприятиях г. Москвы.

Летом 1922 г. учраспредом ЦК РКП(б) я был послан из КУТВ на 4 мес. в Чечню для работы, где работал инструктором Чеченского Ревкома, членом выездной сессии Ревтрибунала, по изъятию оружия, по раздаче семенных ссуд населению и т.д. Осенью 1922 г. приехал обратно в Москву в КУТВ и проучился до мая 1923 г.

В мае 1923 г. я был послан на работу в Горскую ССР, где работал по заданиям Обкома партии. Во время работы был ранен бандитами (скрывавшимися контрреволюционерами). В сентябре 1923 г. по директиве ПУРа, где я был на учете когда был в КУТВе, Горский Обком партии откомандировал меня в распоряжение Политуправления СКВО, откуда был направлен в Окрвоенполитшколу имени т. Ворошилова[7] в г. Ростов-н/Д., где был курсантом, пом. командира взвода и через 3–4 месяца был выпущен вместе с последним курсом. Был назначен преподавателем школы по обществоведению и пробыл в Окрвоенполитшколе до августа 1924 г.

В августе 1924 г. назначен преподавателем обществоведения Краснодарской нац. кавалерийской школы, в составе которой участвовал в ликвидации банд и изъятии оружия в Чечне и Дагестане в 1925 и 1926 г.г. в качестве комиссара эскадрона и дивизиона.

В мае 1927 г. назначен пом. военкома отдельного сводного нац. кав. полка в СКВО. В сентябре 1927 г. был назначен военкомом отдельного Дагестанского нац. кав. дивизиона.

В мае 1929 г. был назначен военкомом отдельного нац. кав. полка им. Серго Орджоникидзе[8]. Лично руководил подразделениями полка при ликвидации контрреволюционных восстаний кулаков в нацобластях на Сев. Кавказе в 1929–1931 г.г.

В сентябре 1931 г. командирован на курсы усовершенствования при Военно-Политической академии в г. Ленинграде, которые окончил в июне 1932 г.

С июня 1932 г. по март 1933 г. был снова в Нац. кав. полку пом. политом. В ноябре — декабре 1932 г. работал по хлебозаготовкам и ликвидации кулацкого саботажа.

В марте 1933 г. был назначен командиром отдельного кав. эскадрона 1 стр. дивизии в г. Казань.

В сентябре 1934 г. был назначен командиром отдельного разведывательного дивизиона 1-й стрелковой дивизии.

В феврале 1935 г. командирован на разведкурсы при РУ РККА[9], откуда в конце 1935 г. назначен секретным уполномоченным в РУ РККА.

В январе 1936 г. мне присвоено военное звание майор.

С октября 1936 г. по сентябрь 1937 г. был в особой командировке[10]. Был контужен и ранен в руку.

Награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени.

В феврале 1938 г. мне присвоено военное звание полковник.

В апреле 1938 г. назначен начальником спец. отделения «А»[11] РУ РККА.

В других партиях не был. Никогда ни в каких антипартийных уклонах, троцкистских и др. контрреволюционных организациях не был.

Колебаний не имел и не сомневался в линии нашей партии, всегда активно проводил ее в жизнь. Не судился.

В июле 1938 г. избран членом партийной комиссии РУ РККА.

Начальник отделения «А» РУ РККА

полковник (Мамсуров)

20.10.1938 г.
г. Москва.

Верно: ст. пом. нач. 7 отдела
УОВК ГУК НКО
ст. лейтенант и/с (Лакша) подпись.
12 мая 1943 года.

РГВА. Ф. 41131. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–4.
Машинопись. Заверенная копия.

№ 2

АВТОБИОГРАФИЯ
на героя Советского Союза гвардии генерал-майора
Мамсурова Хаджи-Умара Джиоровича
член ВКП(б) с августа 1924 года п/б № 2205749.

Мой отец Джиор Гидзович Мамсуров происходит из горцев Дарговского ущелья Северной Осетии. Не имея средств содержать большую семью, оставшуюся после

смерти моего деда, отец с малых лет работал по найму и около 20 лет проработал батраком в различных плоскостных селах Осетии. Заработав некоторые средства он поселился в селе Ольгинском где и женился на моей матери — уроженке того же села Лижа Аликовой и перевез к себе из гор мать, братьев и сестер оставшихся на его иждивении. Отец до 1917 года имел бедняцкое хозяйство и иногда работал по найму. Его мать, некоторые братья и сестры умерли давно, в период моего малолетства. Из братьев отца один Дзыба Мамсуров погиб в Сибири до 1917 года, а другой Саханджери Мамсуров был арестован органами НКВД в 1936 году и судьба его мне неизвестна. Связь с ним я имел редкую, а с 1931 г. не встречал совсем. Мне было известно о нем что он старый член партии. Отец мой и семья до 1920 года, в царское время и во времена белых, из-за деятельности братьев отца подвергались репрессиям (аресты, выселения, обыски и т.п.). До 1917 г. в доме отца в селе Ольгинском происходили различные подпольные совещания тогдашних революционеров и хранилась нелегальная литература, которую отец по их поручению возил в различные пункты (Владикавказ, Грозный, Порт-Петровск, Дербент и Тифлис). Знаю что отца моего лично знали товарищи Киров[12] и Орджоникидзе. Много раз у него дома укрывались от царских властей многие революционеры. Сейчас отцу 75–80 лет, матери 65 лет. Оба живут в селе Ольгинском, колхозники с 1929 года. Отец много лет был бригадиром в колхозе. Сейчас по старости лет работает старшим конюхом колхоза. Я имел нескольких братьев и сестер, но все они умерли в детском возрасте, кроме брата Кандау (Иосифа) Мамсурова 24 лет студента педагогического института, который в начале Великой Отечественной войны пошел добровольно на фронт против немецких захватчиков, был ранен и в 1943 г. погиб под Ростовом-н/Д. У меня осталась единственная сестра Дуне Мамсурова, живет с родными в селе Ольгинском и работает в колхозе. Был женат но разошелся в 1936 году. Женат вторично на Паулине Вениаминовне Мамсуровой до брака Абрамсон, 1915 г. рождения, еврейка, чл. ВКП(б), она состоит на службе в Советской армии, имеет военное звание «майор». Она окончила в 1941 г. Военную академию им. Фрунзе[13] и сейчас работает зам. начальника кафедры Военного института иностранных языков[14]. Участница Великой Отечественной войны. Награждена орденом Красное Знамя, Красная Звезда и медалями. Имею дочь Асю — 9 лет и дочь рождения 1947 г. Родители жены: отец — Вениамин Миронович Абрамсон 57 лет, б/п, еврей. Участвовал в революционном движении в царское время. Был осужден на каторгу вместе с Володарским и бежал в Южную Америку в 1910 году, куда к нему приехала мать жены Раиса Исаевна Абрамсон. Оба работали рабочими до 1925 года. С 1925 г. отец жены работал в Советском торгпредстве и в 1931 г. переехал с семьей в Советский Союз. До 1936 г. работал по издательству литературы на иностранных языках. С 1936 г. по 1940 г. работал по линии НКО СССР. С 1941 г. работает по настоящее время в Совинформбюро[15]. Награжден орденом Красной Звезды и медалью За трудовую доблесть. Сестра жены Аделина Вениаминовна Абрамсон 27 лет чл. ВКП (б), еврейка, состоит на службе в Советской армии, имеет в/звание старший лейтенант а/с[16]. Участница Великой Отечественной войны награждена орденом Красная Звезда и медалями. Сейчас учится в адъюнктуре Военного института иностранных языков. Я родился в селе Ольгинском бывшей Терской области Владикавказского округа,

ныне в Северо-Осетинской АССР. Точную дату своего рождения я не знаю, как и мои родители, которые помнят приблизительно что это было в период Русско-японской войны (отец и мать у меня совершенно неграмотные). В 1920 году находясь в Терской областной партийной школе, я начал писать дату своего рождения — 15 сентября 1903 года, в связи с тем что в школе происходила вербовка добровольцев в 1 конную армию на Врангелевский фронт[17] и так как моложе 17 лет не принимали, я желая попасть в 1 конную армию, по несознательности и действительному незнанию даты своего рождения, написал в своем заявлении что родился в 1903 г. и с тех пор так и пишу. До июня 1918 г. я жил с отцом в селе Ольгинском. Немного жил во Владикавказе готовясь учиться, а фактически работал у хозяина прислугой. В 1917 и начало 1918 г. нанимался пастухом. В июне 1918 г. до полусмерти был избит хозяином-кулаком у которого из стада пропал буйвол, вовремя моей болезни. Вследствие этого у меня с отцом произошел конфликт т.к. отец не в состоянии уплатить стоимость буйвола и я ушел на заработки в город. Однако вскоре поступил добровольцем в Красную армию бойцом отряда Владикавказского Совдепа 20 июня 1918 года и участвовал в боях в его составе против белоказачьих и офицерских банд в районе Владикавказа. После августовских боев во Владикавказе служил в г. Пятигорске в Горской сотне XI армии с которой участвовал во многих боях против белых банд и по изъятию контрреволюционного элемента. В самом конце 1918 г. в период отступления я заболел тифом и был оставлен с другими ранеными и больными в районе ст. Прохладная, где был подобран местным жителем и у которого по выздоровлении работал батраком. В апреле-мае 1919 года я пробрался в сел. Ольгинское, но оно уже было занято белыми, отец был ими арестован, а семья выселена и я перебрался в район действий партизанских отрядов (партиз. отряд Саутиева, Псхациева, позже Кесаева и др.). В составе этих отрядов и небольших групп участвовал в боях против белых, в налетах на их гарнизоны, в уничтожении отдельных групп белых, уничтожении местных активных белогвардейцев. Участвовал в железнодорожных диверсиях в тылу белых ~~и в неудачных покушениях на белогвардейских генералов Эрдели[18] и Шкуро[19]~~. Разбрасывал листовки. В сентябре 1919 г. был ранен в руку при попытке проникнуть в село, где стоял белый гарнизон, для разведки. В 1920 году в начале, с приходом Красной армии в район Владикавказа, руководителями партизанских отрядов я был направлен в распоряжение Терской областной чрезвычайной комиссии как хорошо знающий местность и население. В составе оперативных групп и частей Красной армии я активно участвовал во многих операциях по разгрому остатков различных белогвардейских банд и контрреволюционных групп в Терской области. В марте 1920 г. я вступил РКП(б) и РКСМ[20]. Во второй половине 1920 г. Терский обком партии направил меня учиться в партийную школу обкома и политотдела X армии, в составе которой (б-н ЧОН[21]) участвовал в боях и в ликвидации восстаний белоказаков на Тереке. По окончании партшколы до начала 1921 г. работал инструктором Владикавказского окружного комитета РКП (б) и одновременно по линии облчека по изъятию контрреволюционного элемента и ликвидации бандитизма.

В начале 1921 года был направлен политбойцом в эскадрон ОО[22] X армии, в составе которой действовал против меньшевистских войск Грузии. В марте 1921 г. был обморожен в горах и находился в госпитале во Владикавказе, откуда областным

комитетом партии был командирован в Москву на учебу, в Коммунистический университет им. Свердлова. По прибытии в Москву, в апреле 1921 г. был направлен в Коммунистический университет трудящихся востока им. Сталина[23], где проучился до мая 1923 года, состоя на учете и в резерве ПУРККА[24]. В связи с тем что при отъезде из Владикавказа я с собой не взял в Москву личного партдела, я не прошел чистки партии 1921 года и механически выбыл в связи с этим. Вновь вступил кандидатом в члены партии в феврале 1923 года и в члены ВКП (б) принят в августе 1924 года ДПК 22-й стрелковой дивизии в г. Краснодаре.

В мае 1923 года я уехал в отпуск и на работу во Владикавказ и через некоторое время во время работы был ранен в ногу бандитами и лежал в госпитале. В сентябре 1923 года по указанию ПУРККА я был откомандирован в распоряжение Политуправления СКВО и был назначен начальником нац. группы Окружной военно-политической школы им. Ворошилова, которую одновременно с работой по должности окончил с последним курсом. В августе 1924 года был назначен преподавателем Краснодарской нац. кавалерийской школы, в составе которой участвовал в операциях по ликвидации банд в качестве комиссара эскадрона и дивизиона. В мае 1927 г. был назначен пом. военкома Отдельного сводного нац. кав. полка СКВО. В сентябре 1927 г. назначен военкомом Отдельного дагестанского кавалерийского дивизиона. В мае 1929 г. назначен военкомом Отдельного нац. кав. полка и пробыл в этой должности до марта 1933 года. Командовал подразделениями полка лично по ликвидации кулацких восстаний на Сев. Кавказе с 1929 по 1931 год. С сентября 1931 г. по июнь 1932 г. учился на курсах усовершенствования старшего и высшего политсостава в Военно-политической академии. В конце 1932 был командирован для работы по хлебозаготовкам и ликвидации кулацкого саботажа на Сев. Кавказе. По личной просьбе о переводе на командную работу в марте 1933 года был назначен командиром Отдельного кав. эск-на 1 стр. дивизии в г. Казань. В сентябре 1934 г. был назначен командиром Отдельного разведывательного дивизиона той же дивизии. В феврале 1935 года был командирован на курсы при Разведывательном управлении Красной Армии, оттуда был назначен командиром полка, но не был отпущен и оставлен для работы в Развед. управлении где и работал и выполнял ряд ответственных заданий.

В октябре 1936 года был командирован в Испанию, где пробыл до октября 1937 года. Организовывал и был одним из руководителей обороны Мадрида в октябре-декабре 1936 года. Лично руководил рядом операций в районе Мадрида. Организовывал и руководил всем партизанским движением в Испании. Лично участвовал во многих боях. Был ранен легко и контужен. В апреле 1938 г. был назначен начальником спец. отделения «А» Развед. управления Кр. армии. В мае 1939 года был назначен начальником спецотдела Развед. управления КА. Во время войны с белофиннами был назначен зам. нач. оперативной группы Развед. управления Красной [армии], руководил особыми отрядами и командовал Особой лыжной бригадой из ленинградских лыжников-добровольцев с которой действовал по тылам финских войск на Ухтинском направлении до конца войны. По окончании финской войны снова работал начальником отдела Развед. управления Красной Армии. В ноябре 1940 г. по личной просьбе был отпущен на учебу в мае 1941 года окончил курсы усовершенствования высшего начсостава Красной Армии при Военной академии им. Фрунзе. По окончании

их был назначен начальником Развед. отдела штаба Закавказского фронта, но в связи с обстановкой был оставлен в Главном разведывательном управлении Красной Армии и назначен начальником Особой оперативной группы. 24 июня 1941 г. был откомандирован в распоряжение маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова для особо важных поручений и убыл с ним на Западный фронт, где проводил работу по восстановлению связи с войсками, по приведению отходящих частей в порядок и постановке им задач по указаниям маршала Ворошилова. Руководил организацией оборонительных работ населения в районе Могилев, Орша, Смоленск. Непосредственно по указаниям маршала Ворошилова руководил подготовкой и переброской в тыл немцев кадров организаторов партизанских отрядов и диверсионных групп из местных работников Белоруссии, Смоленщины и др. районов. 8 июля 1941 г. был вызван в Москву и снова направлен в г. Ленинград в распоряжение маршала Ворошилова. По личным указаниям товарищей Ворошилова и Жданова[25] руководил подготовкой кадров и их переброской, руководителей партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу немцев на Север-Западном и Ленинградском фронтах. Вел работу по организации обороны войсками и по налаживанию разведывательной службы на обоих фронтах по указаниям маршала Ворошилова. 19 августа 1941 г. в связи с прорывом немцев к Чудово[26], был назначен товарищами Ворошиловым и Ждановым командиром 311 стр. дивизии отходившим в этом районе. 24 августа 1941 г. в бою под Чудово был ранен в обе ноги и в руку. До октября 1941 г. лежал на излечении в госпитале в Ленинграде. 10–11 октября по указанию начальника Главного разведывательного управления был отправлен самолетом в Москву и назначен начальником формируемого развед. отдела штаба Московского фронта. В ноябре в связи с ликвидацией Московского фронта был назначен начальником Особой оперативной группы Главного разведывательного управления Красной Армии. В январе 1942 г. по личной просьбе был отпущен на фронт и назначен командиром 114 кав. дивизии. В мае 1942 г. был назначен зам. командира 7 кав. корпуса на Брянском фронте. В августе 1942 г. был отозван в Москву и согласно постановления Государственного комитета обороны СССР был назначен начальником Южного штаба партизанского движения (Кавказ, Крым), где работал до ноября 1942 г. В ноябре был вызван в Москву и назначен пом. начальника Центрального штаба партизанского движения и начальником оперативного отдела штаба где работал до января 1943 г., после чего в связи с реорганизацией был назначен зам. начальника 2 управления Главного разведуправления. В марте 1943 г. по личной просьбе был отпущен на фронт и убыл на Юго-Западный фронт с предназначением командиром мехсоединения, но в связи с их реорганизацией и уходом из состава фронта к моему приезду, командующий фронтом предложил мне вступить в командование 2 гвардейской Крымской кавалерийской дивизией, которую и принял в начале апреля 1943 года и командовал ею до августа 1946 года.

В начале октября 1943 г. в составе 1 гв. кавкорпуса 1 Украинского фронта форсировал р. Днепр севернее г. Киев и устья р. Тетерев и прорвав оборону 183 пд и 7 тд немцев, захватил и расширил плацдарм 60 армии, с одновременным контрударом обратно в тыл уничтожил прорвавшуюся к переправам 60 армии, группировку пр-ка, за что лично получил высокую оценку действий дивизии от командарма 60 генерала Черняховского[27].

Участвовал с дивизией в освобождении г. Киев в боях 5, 6, 7 ноября 1943 г. Прорвал дивизией оборону немцев на р. Ирпень сев. Киева и стремительным ударом овладел Житомирским шоссе. Отрезав пути отхода из Киева и уничтожая подходящие резервы пр-ка 11 ноября 1943 г. овладел г. Коростышев, а внезапным ударом 12 ноября овладел г. Житомир, продолжая стремительно наступать на юго-запад. 13 ноября согласно приказа фронта дивизии была поставлена задача вернуться в Житомир и оборонять его. На меня было возложено командование группой войск по обороне района г. Житомир. Активно и успешно оборонял г. Житомир от значительно превосходящего пр-ка и выполнил задачу отвлекая на себя пр-ка с Фастовско-Киевского участка где создавалась угроза г. Киеву. В оборонительных боях до 19 ноября нанес большие потери 4 пехотным и 3 танковым дивизиям пр-ка. В конце ноября — декабре 1943 г. вел дивизией успешные оборонительные бои под г. Малин. В январе 1944 г. наступал с дивизией в направлении Сарны, Ковель, в исключительно тяжелых условиях лесисто-болотистой местности во время значительной оттепели. Одновременно с действиями против немцев, провел ряд успешных операций по уничтожению нескольких отрядов различных банд «бендеровцев», «бульбовцев[28]» захватив несколько центров с типографиями, радиостанциями и пр. В конце января в трудных условиях с боем форсировал р. Стырь, но получил новую задачу наступать на юго-запад по вост. берегу р. Стырь. Ведя наступательные бои в значительном отрыве от своих войск овладел м. Колки, м. Суск, ст. Киверце и разгромив 19 пд венгров и 143 пд немцев дивизия к исходу 1 февраля 1944 овладела г. Луцк, в боях южнее г. Луцк дивизия уничтожила значительную часть отходящей под натиском наших частей с фронта на Ровно крупной группировки пр-ка. 24 февраля дивизия по приказу командарма 13 форсированным маршем из района Дубно вышла обратно в Луцк с задачей его обороны в связи с подходом свежей пехотной дивизии немцев к Луцку и подходом других частей пр-ка. С 25 февраля вел оборонительные бои западнее г. Луцк и втянув в бой главные силы пр-ка с фронта, внезапным ударом артиллерии и своих главных сил с фланга почти целиком уничтожил свежую пехотную дивизию генерал-губернаторства немцев.

С 15 марта 1944 г. прорвал дивизией оборону немцев на р. Иква в районе М. Торговица и стремительным наступлением 19.3 овладел г. Красноармейск (Радзивиллув), а 20.3 гор. Броды и вел бои в лесистой местности юго-западнее. 19.3 был ранен в лицо но остался в строю. В июле 1944 г. в период Львовско-Бродской операции 1 Украинского фронта, получил с дивизией усиленных мех. и танковой бригадами отдельную задачу не допустить отхода Бродской группировки пр-ка на зап. берег р. Зап. Буг на участке Каменка-Струмилова, м. Буск. (70 км.). Вынудив пр-ка дать бой в неблагоприятных для него условиях дивизия в результате рукопашных боев в течении 4 суток против значительно превосходящих сил блестяще выполнила задачу, уничтожив значительную часть Бродской группировки пр-ка. На поле боя пр-к оставил свыше 8 тысяч трупов убитых солдат и офицеров в том числе два генерала. Было захвачено свыше 2 тысяч пленных 35 танков, свыше 500 орудий и минометов, свыше 3 тысяч автомашин, свыше 6 тысяч лошадей и т.п. Были уничтожены со штабами 340, 361 и 454 п.д.

26 июля 1944 г. дивизия форсировала р. Сан севернее г. Перемышль и во взаимодействии с частями 3 танковой армии с востока овладела г. Перемышль

и продолжая стремительное наступление заняла гор. Бжозув и к 1.8 вела бои за гор. Кросно (Польша).

С 4 сентября 1944 г. вел с дивизией [бои] в составе 1 гв. кав. корпуса 1 Украинского фронта и прорвав оборону пр-ка в районе г. Кросно, вошла в прорыв и в рейд в Чехословакию, где действовала до 25 сентября 1944 г. В результате действий корпуса в Чехословакии, противник был вынужден снять до 10 пехотных дивизий для окружения корпуса с фронта 1 и 4 Украинских фронтов. Дивизия сыграла решающую роль в действиях корпуса и обеспечила действия наших войск на фронте на Сандомирском плацдарме на р. Висла.

В январе 1945 г. дивизия с Сандомирского плацдарма входит в прорыв и стремительным наступлением перейдя польско-немецкую границу к 23 января выходит в тыл Катовицкой группировки немцев и обеспечивает овладение Домбровским угольным бассейном захватим совместно с другими частями гг. Катовицы, Глейвиц, Гинденбург, Рыбник. 29 января 1945 г. дивизия форсировала р. Одер в районе сев. Ратибор и захватив плацдарм удержала его до подхода войск 60 армии, несмотря на ожесточенные контратаки превосходящих сил пехоты и танков пр-ка. Во второй половине февраля 1945 г. дивизия форсирует р. Одер в районе южнее г. Бреслау и ведет бои в районе Бреслау, Кант, Ноймаркт, Лигниц, Гольдберг, Шенау. С 15 апреля 1945 г. в составе 1 Украинского фронта дивизия входит в прорыв на р. Нейссе и уничтожая части пр-ка, освобождая сотни тысяч наших военнопленных из лагерей 19 апреля выходит в район юго-западнее г. Берлин. По приказу свыше дивизии меняется задача и продолжая наступление на юго-запад дивизия 21 апреля форсирует р. Эльба в районе южнее г. Торгау и к 25 апреля до дня победы ведет бои за гор. Дрезден на зап. берегу р. Эльба, обеспечив взятие нашими войсками г. Дрезден, за что дивизия была награждена правительством орденом Ленина.

За время моего командования ею 2 гвардейская Крымская кав. дивизия была награждена орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени и орденом Богдана Хмельницкого. Дивизия много раз отмечалась в приказах Верховного главнокомандующего товарища Сталина.

В конце мая 1945 г. Военным советом 1 Украинского фронта был назначен командиром батальона сводного полка фронта на парад победы в Москве 24 июня 1945 г. Летом 1945 г. в связи с переходом в Венгрию, а затем в Зап. Украину дивизия совершает марш своим ходом, где в районе г. Станислав веду с сентября по декабрь 1945 г. операции и бои против банд. 13 января 1946 сосредотачиваюсь в районе Чкалов, Уральск, Тоцк где дивизия входит в состав войск Юж. УРВО. В августе 1946 г. согласно приказа расформировываю дивизию.

В октябре 1946 г. назначен командиром 3 Отдельной гвард. краснознаменной Евпаторийской стрелковой бригады.

В марте 1947 г. командирован на учебу и до настоящего времени учусь на высших Академических курсах Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова.

В других партиях, троцкистской, правой и прочих контрреволюционных организациях не состоял. Отклонений и колебаний от генеральной линии нашей партии не имел и всегда активно проводил ее в жизнь в своей практической работе.

В плену, окружении не был. Родители мои и жены и ближайшие родственники избирательных прав не лишались. За границей никаких родственников нет ни у меня ни у жены.

Воинское звание «полковник» было присвоено мне приказом НКО № 0114/п от 17 февраля 1938 года. Звание «генерал-майор» присвоено постановлением Совета народных комиссаров СССР от 13 ноября 1943 года. Неоднократно избирался в парторганы частей, местных комитетов партии и горсоветы.

С 1938 по 1940 был избираем членом партийной комиссии и партийного бюро Главного разведывательного управления Красной Армии.

Имею правительственные награды:

1) Три ордена Ленина и золотую Звезду.

2) Три ордена Красного Знамени.

3) Орден Суворова 2 ст.

4) Орден Отечественной войны 1 ст.

5) Медаль Партизану Отечественной войны 1 ст.

6) Юбилейную медаль XX лет РККА.

7) Медали за оборону Ленинграда, Москвы, Кавказа и За победу над Германией.

Слушатель ВАК Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова
Герой Советского Союза Гвардии генерал-майор Х. Мамсуров.

1 октября 1947 г.
гор. Москва.

РГВА. Ф. 41131. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–11.
Рукопись. Автограф.

№ 3

Выступление в Институте рабочего движения Академии наук СССР. 1966 г. Тов. Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович, Герой Советского Союза

Товарищи, я никогда не выступал, почти не говорил о том, что происходило 30 лет назад в стране, которая осталась в сердцах всех товарищей, принимавших участие в борьбе за дело испанского народа. И не потому, что нельзя было говорить. Нет. Настолько сильна была во мне горечь поражения и память о погибших, что не хотелось говорить.

Я ждал того момента, когда обстановка сложится так, чтобы можно было во весь голос говорить о победе испанского народа. Мне кажется, что это время сейчас наступает. (Аплодисменты).

Я хочу поблагодарить партийную организацию Института международного рабочего движения[29], тов. Тимофеева[30], всех организаторов сегодняшнего собрания, ибо сегодня мне впервые приходится выступать по вопросу испанской революции, по вопросу борьбы героического испанского народа за свою свободу и независимость.

Но прежде чем говорить об этом, я бы хотел сказать, что меня послали туда одним из первых ЦК нашей партии для оказания помощи в борьбе, которая началась в Испании.

Первое, что мне хочется подчеркнуть, это — руководящую роль Испанской Компартии.

У меня в памяти постоянно всеми нами горячо любимая и высокоуважаемая Долорес Ибаррури[31]. Я смотрю на нее и вспоминаю. Мне пришлось быть 5–6 ноября в Центральном Комитете Компартии Испании на заседании. Решался вопрос — быть Мадриду или не быть. Я хочу сказать, что накануне, до этого заседания я присутствовал на совещании руководства наших товарищей, где тоже обсуждался вопрос — удерживать Мадрид или не удерживать. Сейчас смешно говорить об этом. Но стоял такой вопрос и целый ряд товарищей между собой говорили, что Мадрид съедает силы республиканцев. И поэтому, может быть, целесообразнее — такая точка зрения имела место, — сдать Мадрид, а основные бои против фашистских войск развернуть восточнее города.

Ряд товарищей решительно и резко выступили против этого, и я был бесконечно рад, как коммунист и революционер, когда на заседании Политбюро этот же вопрос стоял и весь состав Политбюро единодушно выступил за то, чтобы Мадрид оборонять и не сдавать его. (Аплодисменты).

В этом вопросе несгибаемую волю и мужество вождей, революционных руководителей проявили Хосе Диас[32], Долорес Ибаррури, Педро Чека[33], Антонио Михе[34], Сантьяго Каррильо[35] (последние в критический момент защиты Мадрида занимали два важнейших поста — Советников по военным делам и общественному порядку — в Хунте[36] обороны) и целый ряд других товарищей, многие из которых героически сложили свои головы в борьбе против международного фашизма, все они вызывали у нас глубокое уважение. (Аплодисменты).

Должен сказать, поскольку я был свидетелем этого заседания, что оно мне лично придало больше мужества и стойкости в той работе, которая мне была поручена нашей партией.

Я бы хотел высказаться еще по одному вопросу. Перед 7-м ноября 1936 г. может быть недели за 2–3 до этого, я, имея непосредственное отношение к вопросам обороны Мадрида, вместе с Педро Чека занимался организацией рабочих отрядов и строительством оборонительных рубежей на подступах к Мадриду. В этом деле принимал участие ряд членов ЦК Компартии Испании, мы поражались когда они спали, потому что в любой момент дня и ночи, настолько напряженной была обстановка, они бодрствовали и решали огромное количество вопросов.

В героической обороне Мадрида, в ее самые трагические дни, начиная с 5-го ноября, величайшую, я бы сказал основную и главную роль сыграл рабочий класс. (Аплодисменты)

Помню, я жаловался Педро Чека. Министр Галарса[37] ничего не делал для оформления выделения организованных рабочих на строительство рубежей и для формирования отрядов, которыми руководил Педро Чека. Я жаловался Педро на это бездействие, а он мне говорит: «Вы умеете ругаться, поругайте его хорошенько, и все пойдет, как по маслу». Я действительно так и сделал. Однажды на официальном

приеме, я встал и сказал: так мол и так, доколе это будет продолжаться, пойду и расскажу рабочим, что министр саботирует выполнение революционных мероприятий. Через 10 минут все вопросы, которые обычно решались им в течение 2 недель, были решены. (Аплодисменты).

В условиях почти полного отсутствия оружия (даже такая сформировавшаяся кадровая дивизия, как Коммунистическая, где П.И. Батов[38] был 1 советником, крайне нуждалась в оружии), мы сумели вооружить 50 тысяч рабочих ружьями. Начиная от охотничьих и кончая кремневыми. Думаю, что это стало возможным благодаря энергии нескольких десятков человек, которые, по указанию ЦК были отправлены во все направления, и проделали большую работу. В числе этих 50 тысяч были рабочие со всей Испании. В процессе формирования этих отрядов, а они дислоцировались на западной, южной и северо-западной окраинах Мадрида, к ним шел постоянный приток рабочих со всех Испании, и причем рабочие отряды носили удивительные наименования.

Здесь сидит всеми уважаемый скромнейший коммунист Верхильо Льянос[39]. Он был комиссаром корпуса, прибывшего из Каталонии. Корпус состоял из 3 бригад, в том числе одной бригады, которая была коммунистической. Именно эта бригада выдержала на себе основную тяжесть первых боев за Мадрид. Она действовала под непосредственным руководством ЦК Компартии Испании.

Я наблюдал за т. Льяносом и видел в его лице несгибаемого коммуниста-революционера, который рисковал своей жизнью, не задумываясь, не колеблясь, в интересах победы испанского народа. Он учил коммунистов, как нужно вести себя и как держаться в этих очень тяжелых условиях, потому что на участке, где стоял корпус, противник располагал данными, очевидно, от каких-то предателей. Вообще оборонялись на этом трудном участке, главным образом, коммунистические бригады. На этом направлении немцы и итальянцы наносили главный авиационный удар. Непрерывно 2–3 раза в день немецкие «Юнкерсы[40]», нагруженные до отказа бомбами, сбрасывали своей смертоносный груз на расположение бригад этого корпуса.

В заслугу Льяноса, хочу сказать, что в этих тяжелых условиях он сумел взять под свое влияние такого командира как Дуррути[41].

Дуррути был крупной фигурой. Не сомневаюсь в его моральном облике и человеческих качествах. Это был человек большой души, и заслуга Льяноса состоит в том, что он его — анархиста сделал настоящим человеком. Дуррути сильно приблизился к компартии и, если бы не его гибель, он был бы коммунистом.

Абсолютно уверен в том, что Дуррути погиб от руки самих же анархистов. Случилось это так.

Приехал наш товарищ-оператор Кармен[42] и просил меня показать ему как организована наша оборона в районе Андалузского моста. Я вернулся минут через 30–40 и за это время Дуррути был убит; убит был и его телохранитель-египтянин, который также начал примыкать к коммунистической партии.

Этот египтянин оказывается был в свое время моряком, плавал сначала на испанском судне, потом французском и в Одессе в 20-е г.г. сбежал с корабля, желал остаться в СССР. Его убили через 2 часа после гибели Дуррути. Безусловно, его убили свои, анархисты.

Еще об одном скажу. Просто удивительно, как удалось ЦК в очень быстрый срок сформировать знаменитый пятый полк и Коммунистическую дивизию, где П.И.Батов был первым советником, и по существу непосредственным организатором. Роль этих организаций в борьбе испанского народа трудно преувеличить. Это большая заслуга компартии Испании.

Несколько слов о партизанском движении в Испании, в котором также принимало участие очень много советских товарищей, мужественных, смелых людей. Смелый командир Артур Спрогис[43], Старинов[44], Патрахальцев[45], Троян[46], наши девушки Паршина Лиза[47], Мистон Люба[48] и др.

Тут сидит Паршина Лиза, участница партизанского отряда, Мистон Люба, еще ряд товарищей.

Хочу просить Вас почтить вставанием память всех товарищей, погибших за Испанскую республику. (Все встают)

Говоря об интернациональных бригадах, должен подчеркнуть, что там, как нигде, нашла свое очень яркое выражение международная коммунистическая солидарность.

По правде говоря, я могу целый день перечислять имена и фамилии товарищей, которые принимали участие в борьбе испанского народа.

Назову я только несколько имен. Великолепный боец, революционер, член ЦК коммунистической партии Германии Ганс Баймлер[49], командир 2 бригады Ганс Клебер[50], Матэ Залка[51], товарищ Брон[52], выступавший здесь.

Из поляков можно вспомнить Бучака[53] — это рабочий из Детройта, семнадцатилетний парень. Во время войны он погиб, его повесили немцы. Этот парень раньше был в Мадриде в составе 1-й Интернациональной бригады. Через месяц после тяжелого ранения вновь вернулся в строй. Сражался в партизанском отряде. Героически вел себя.

Назову старшего лейтенанта Цветкова[54]. Он должен был подорвать железнодорожный состав с Итальянским экспедиционным корпусом, направляющимся в р-н Гвадалахары, но времени было мало. Тогда он лег на мину и взорвался вместе с эшелоном. Вместе с ним погиб и член ЦК комсомола Польши Макс Стадик[55]. Нужно назвать югослава Имича[56] и мексиканца Хулио Хусто[57] — замечательных ребят, активно участвовавших в борьбе.

Могу назвать десятки испанских товарищей, членов компартии и комсомола, которые сложили свои головы. Они боролись примерно в таком соотношении — один против пятисот фашистов.

Героических имен очень много — и чешских, и немецких, и польских.

Еще мне хотелось бы вспомнить немецкого товарища, Рихарда Вольфа[58]. Он возглавлял интернациональную партизанскую группу и принес, несомненно, огромную пользу.

Мне хотелось бы также сказать о наших советских товарищах, которые были в Испании.

Я не могу не назвать фамилии товарищей Горева[59], Берзина[60], Львовича[61], ныне уже покойных.

О живых товарищах хочется сказать доброе слово. Лично я очень признателен нашему главному политическому советнику товарищу Пирпичу[62], И.Н. Нестеренко[63],

который принес чрезвычайно много пользы в деле политического воспитания, и в оказании помощи товарищам в Испании. (Аплодисменты).

Мне хочется еще раз повторить фамилии Николая Кузнецова[64], Павла Ивановича Батова, которого я очень люблю и вы все его любите, потому что его есть за что любить. (Аплодисменты).

Не могу не сказать теплое слово в адрес целого ряда товарищей, которые здесь присутствуют. Прошу извинения, что не имею возможности перечислить их всех по фамилиям. Но вы их знаете, они принесли большую пользу и сыграли великую роль в борьбе испанского народа.

Я хочу пожелать всем участникам борьбы, которые присутствуют здесь и которые отсутствуют сегодня, но которые носят в сердце своем воспоминания о годах борьбы в Испании, и хочу пожелать им снова быть участниками строительства социализма в Испании. (Аплодисменты).

Да здравствует вечная дружба революционного испанского народа с героическим советским народом! (Аплодисменты)

Да здравствует революционный испанский народ и его славная Коммунистическая партия! (Аплодисменты)

Да здравствует светлое социалистическое завтра героического испанского народа! (Долгие аплодисменты)

РГВА. Ф. 41131. Оп. 1. Д. 26. Л. 17–24.
Машинопись. Копия.

№ 4

Наброски воспоминаний о некоторых событиях

Недавно на вечере, проведенном в Институте Международного рабочего движения (директор — тов. Тимофеев) и посвященном 30-й годовщине испанской революции 1936 г., активным участником которой мне посчастливилось быть волею нашей коммунистической партии, членом которой я состою с 1924 г., меня попросили выступить со своими воспоминаниями. Мне пришлось выступить без всякой подготовки. Это было мое первое выступление о событиях в Испании, имевших место почти три десятка лет назад. Несмотря на то, что память хорошо сохранила многое незабываемое из того периода, я понял, что надо записать, пока не поздно, все то, чему свидетелем я был. Ибо многому из того, что я видел, пережил, слышал, непосредственно живых свидетелей осталось мало. О событиях в Испании, которым я был свидетелем, я не хотел выступать или писать, кроме многих причин других, главным образом, потому, что мне не хотелось беспокоить память многих замечательных людей, бывших со мною в Испании и погибших от руки врага и от руки своих. Первым воздают справедливо должное уважение и чтят их память, вторые, о которых никто даже не знает, где их могила, остаются все еще людьми второго сорта, хотя жизнь каждого из них чище и яснее алмаза и сделано ими не меньше, чем любым из первых.

Свои воспоминания я хочу начать с людей и описывать события в связи с этими людьми. Начинаю их с одного из участников войны в Испании, бывшего Командующего войсками Белорусским Особым Военным Округом к началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. командарма 1 ранга Павлова Дмитрия Григорьевича[65] (в Испании — командир танковой бригады «генерал Пабло»). Он не принадлежал ни к первым, ни ко вторым, о которых я говорил выше, но я начинаю с него именно поэтому. Он пробыл в Испании очень немного. Первая моя встреча с ним произошла после того, как укрепилось положение под героическим Мадридом в результате самоотверженной обороны его рабочим классом самого Мадрида, только что организованным для вооруженной борьбы Компартией Испании и ее Центральным комитетом во главе с Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Педро Чека и другими товарищами, а также подошедшими в самый тяжелый момент Мадридской обороны 1 и 2 Интербригадами Клебера и Лукача[66]. Мы все участники и организаторы героической обороны Мадрида стали чувствовать себя увереннее и начали позволять себе отдыхать после почти 2-х месячного непрерывного бодрствования и напряженнейшей нашей работы. В конце декабря 1936 г. я приехал ночью в здание военного министерства, где размещался штаб обороны Мадрида и, войдя к Гореву В.Е., увидел у него разодетого в золотую форму испанского генерала королевской армии, и был крайне удивлен этим и еще более, когда он, знакомясь со мной, представился: «Генерал Пабло» на чистейшем русском языке. Я с недоумением глядел на него, думая, что он ненормальный, потом, посмотревши на Горева, прочел на лице последнего хитрое выражение, говорившее недвусмысленно: «Смотри на этого оригинала и принимай его таким, как он есть». Через некоторое время я заметил, что Павлов был выпивши и храбрился, петушась, в своей странной форме, хотя было заметно, что он довольно растерян. Я, чтобы рассеять создавшуюся, как мне показалось, неловкость, вынул из пазухи карту и начал вводить присутствовавших (Ратнер[67], Львович, Лукач, Помощников[68] и др.) в курс обстановки на фронте на Мадридском участке, откуда я только что приехал, целый день мотаясь по всему участку и всем частям. Как мне показалось, Павлов не понял, что происходит на фронте и не старался особенно понимать. Единственное, что его интересовало, это где находятся танковые части Мелле (полковник Кривошеин[69] С.М.) и Армана[70] (капитан Арман П.М.), которых я только видел 2–3 часа назад. Поскольку я целый день мотался с Линой, Муньосом (шофер, коммунист) и Луисом (мотоциклист, социалист) по фронту и несколько раз попадал под бомбежку «юнкерсов» и «капрони[71]» или под артиллерийско-минометные огневые налеты, я пошел отдохнуть хоть пару часов. Это уже было можно себе позволить! Павлов остался у нас ночевать. Он еще спал, когда я уехал снова в темноте на рассвете в район университетского городка и как-то даже забыл о Павлове, потому что как танковый начальник он произвел на меня неизмеримо меньшее впечатление, чем героический Арман или решительный Кривошеин, несмотря на смешную в то время генеральскую форму, в которую он был одет, которой он страшно кичился и рисовался. После этого до операции под Лас-Росаз (северо-западнее Мадрида) в январе 1937 г. я его не видел и ни разу о нем не вспомнил, так как общался с Мелле и Арманом, водившими танки в бой и не

вылезавшими из них даже тогда, когда все танки выходили из строя. В последнем случае танки, так сказать, морально поддерживали дух бойцов, хотя и не могли двигаться. Во время операции под Лас-Росаз я вновь встретился с Павловым. В это время я «опекал» от имени нашей Мадридской группы 14-ю интербригаду Вальтера (К.Сверчевский[72]), 35 дивизию Нино Нанетти[73] и ряд других соединений и частей, участвовавших в операции. В ходе наступления после овладения Лас-Росаз в самый момент ввода в бой 14-й интербригады, в которой я в это время был, для развития успеха 1 эшелона — вдруг по боевым порядкам бригады и штаба во главе с Вальтером (К.К. Сверчевский) был открыт беглый огонь танковых пушек в 1–1½ км сзади). Это, как оказалось потом — танковая бригада под командованием Павлова открыла огонь из танков для обеспечения ввода двух танковых батальонов на направлении обозначившегося успеха республиканских войск. Было убито около 50 чел. командиров и бойцов 14 интербригады. Дальнейшее наступление сорвалось, несмотря на исступление и бешеные попытки Вальтера поднять батальоны в атаку. А сзади все продолжалась стрельба танков по исходному рубежу для атаки бригады и по ней самой. Это был 1-й героический боевой акт генерала Павлова. Я вначале с Линой и некоторыми командирами штаба бригады пытался также поднять залегших под огнем наших бойцов в атаку, но успеха почти не имел. Старший советник бригады и фактически начальник штаба бригады Александер (полковник Помощников — высокообразованный и грамотный советский офицер — был в конце 1937 г. арестован в Москве и, вероятно, расстрелян) надрывался, стремясь добиться связи по только что проведенному телефону с вышестоящим штабом, чтобы прекратили стрельбу из танков по боевым порядкам. Уместно отметить, что если в штабе 14 интербригады имелись офицеры связи от артиллерии, обеспечивавшей ее ввод, а также от соединений второго эшелона, и любые недоразумения обычно легко разрешались, то почему-то танковая бригада под командованием Павлова это не сделала и в последующем не делала, исходя из пустого гонора (конечно, это была и недоработка вышестоящего штаба). К слову сказать, что ранее, когда у республиканцев еще была только танковая рота под командованием Армана и танковый батальон под командованием Кривошеина С., то обычно от них всегда были офицеры связи в штабах соединений, которых танки поддерживали или которым они придавались. Это всегда обеспечивало правильное взаимодействие пехоты, танков и артиллерии и никогда не происходило недоразумений. Когда попытки поднять бригаду в атаку ни к чему не привели, я поехал в полевой штаб Центрального фронта (командующий — дряхлый испанский генерал Посас[74]) и застал в штабе, кроме Пасаса и его штаба, также наших советников — Мерецкова[75], Кулика[76], Воронова[77] и др., пребывающих в благодушном настроении, вероятно, в результате успешно начатого наступления. Но самое удивительное было то, что я увидел, и как оказалось потом, в изрядно подвыпившем состоянии, Павлова, все в той же форме испанского генерала, оживленно беседующего с генералом Посас. Я подошел к ним с намерением сообщить Павлову о результатах огневых налетов танковой бригады по боевым порядкам 14 интербригады и срыве ее атаки по вине огня своих танков. Подойдя к ним, я услышал, как Павлов по-русски объяснял ничего не понимающему генералу Посасу, что он — Павлов, генерал Павлов,

в различных вариантах. Когда генерал Посас увидел меня, он обратился ко мне (так как он меня уже знал) и спросил меня, что он говорит, показывая на Павлова. Я ответил, что это командир танковой бригады Павлов, и он представляется ему как командующему Центральным фронтом. В это время подошел советник Посаса наш комкор Кулик Григорий Иванович («Купер»). Генерал Посас, наконец, понял, что разодетый в золото генерал носит имя Пабло (надо сказать, что он был туговат на ухо) и заявил, что его самый любимый святой — это св. Павел и поэтому ему особенно приятно познакомиться с замечательным генералом Пабло.

При этом он не преминул упомянуть о том, что св. Павел тоже любил вино, явно намекая на слишком уж веселого генерала Павлова. Моя попытка поговорить с Павловым не удалась, и я обратился к Кулику и рассказал ему, что произошло со вводом в бой 14-й интербригады. Он выслушал меня, сказал, что уже слышал об этом, но он ничего не может уже сделать. Когда же я начал говорить об этом же с Павловым, он возмущался и начал категорически отрицать изложенный выше факт обстрела своих, и заявил, что два его танковых батальона ведут сейчас бой в Махадаонда. Я поверил и, решив, что такие инциденты возможны в бою, поехал обратно в 14 интербригаду. Когда я приехал в бригаду, я нашел ее передовые подразделения там же, где их оставил — залегшими перед Махадаондой, в которой ни одного нашего танка не было. Два танковых батальона (из 3-х) бригады Павлова были сзади передовых подразделений 14 интербригады и вели редкий огонь по Махадаонде, в которой к тому времени сосредоточилось до пяти батальонов фашистов с итальянскими танками «Ансальдо»[78] (около 30 единиц). Таким образом, удачно начавшееся первое контрнаступление республиканцев в районе северо-западнее Мадрида, имевшее ближайшей целью создать условия для последующего разгрома фашистов непосредственно на окраинах Мадрида (Университетский городок у Французского моста и др. окраины), было сорвано по вине Павлова, который, видимо, и не понимал и не подозревал всей глупости и преступности принятого им решения.

К слову сказать, план всей этой операции в районе Лас-Рохас, являвшейся первой активной наступательной операцией на Мадридском участке фронта после длительных поистине героических оборонительных действий мадридцев, был разработан в штабе обороны Мадрида. Над его составлением работали в глубокой тайне В.Е. Горев, нач. штаба В.Рохо, И. Ратнер и я. План хранился у Рохо, а выписки из него вручались им лично каждому из нас для вручения их нами на месте командирам основных соединений, которым предстояло участвовать в этой операции. При изучении и доведении задач соединений и уточнении их на местности с командирами частей и офицерами штабов в каждом соединении, наравне с командирами последних, присутствовали в качестве представителей вышестоящего командования (Совета Обороны Мадрида) мы (Д. Львович («Лоти»), Х. Мамсуров («Ксанти»), П. Батов («Фриц»), М. Попов[79] («Ганс»), И. Ратнер («Хозе»). Вся наша работа поправлялась, руководилась и возглавлялась Советом Обороны Мадрида, основными советниками которой были, прежде всего, Горев В.Е., Ратнер и Львович. Душой Мадридской обороны были начальник штаба Мадридской зоны обороны Винсенте Рохо, второй секретарь ЦК Испанской Компартии Педро Чека, члены ЦК испанской

компартии Диегез[80], Антон и др. тт. Я уже не говорю о той роли, которую играли Хосе Диас, Долорес Ибаррури — доблестная Пассионария, Антонио Михе и др. Перед самым началом операции вдруг совершенно неожиданно руководство его взяли на себя штаб Центрального фронта во главе с престарелым генералом Посас, в штабе которого, по имеющимся у нас мадридцев данным, было много предателей из числа бывших офицеров. Главным Советником при генерале Посас был наш комкор, впоследствии Маршал Советского Союза Кулик Григорий Иванович («Купер») — лично храбрый и смелый командир, но малограмотный, неумный, солдафонистый и ограниченный человек, давно, к тому же, потерявший свои революционные качества. После Испании я никак не мог понять, как такая бездарная личность как Кулик стал заместителем Народного Комиссара Обороны СССР и Маршалом Советского Союза, а такой высокограмотный, толковый, смелый, хорошо владевший английским и испанским языками, бывший до поездки в Испанию в качестве военного атташе командиром (причем одним из лучших) танковой бригады, несомненно преданный коммунизму комбриг Горев Владимир Ефимович был по приезде из Испании арестован и расстрелян в 1938 г. Но все это — предмет особого разговора, и я немного отклонился от темы. Продолжая повествование, должен сказать, что зона обороны Мадрида создалась и существовала как самостоятельный фронт с прямым подчинением Министру Обороны и Президенту Республики. Возглавлял зону обороны т.н. «Совет Обороны Мадрида», во главе которого формально стоял командующий зоной и председатель «Совета Обороны Мадрида» генерал Миаха[81]. Главным советником при нем был Горев В.Е., помощником у Горева были Ратнер и Львович. Я был официально советником при Начальнике штаба В. Рохо и одновременно становился советником командиров крупных соединений, приходивших для обороны Мадрида с 5 ноября 1936 до января 1937 г. Так, я был, например, советником у прибывшего в Мадрид Каталонского корпуса, командиром которого был известный боевик-анархист Буонавентура Дуррути, будучи одновременно советником также у только что сформированной и подошедшей к Мадриду 35 дивизии, которой командовал замечательный и боевой командир итальянец Нино Нанетти. Наряду с этим в моем ведении была подготовка пулеметчиков, работа совместно с тов. Педро Чека по подготовке командных кадров и многое другое, что было еще в человеческих силах. В то время я едва ли понимал суть происходивших внутри нашего круга событий. Я, правда, смутно ощущал тогда ненормальность отношений внутри этого нашего круга и неоднократно спрашивал Горева, Кольцова[82] о причинах неприязненных отношений к Мадридской группе со стороны группы наших советников, находившихся в Валенсии и при штабе Центрального фронта, уже упоминавшегося мною и находившегося в Гвадалахаре. В числе этих советников были Мерецков К.А. («Петрович»), Симонов[83] («Валуа»), Кулик Г.И. («Купер»), Павлов Д.Г. (генерал «Пабло») и др. Тогда я не придавал этому особо значения и только возмущался, как можно в такой обстановке руководствоваться, как тогда говорили, пережитками капитализма в сознании людей — завистью, интригами и т. п. Мне со стороны, объективно смотрящему на вещи, совершенно ясно была видна зависть, переходившая в ненависть, к Гореву и его группе со стороны некоторых из указанных выше советников, что одно могло

вызвать эту непристойную для коммуниста вещь, именуемую зависть, от которой до злобы и ненависти, как показала жизнь — один шаг. Некоторую роль, конечно, в этом деле сыграл и острый язык самого Горева, который при всяком удобном случае подшучивал и, как говорят, поддевал Мерецкова, издевался часто над неотесанностью и ограниченностью Кулика, а Павлову даже неоднократно при мне говорил, что испанцы дали ему кличку «генерал Бодега», что между прочим действительно соответствовало истине. Причиной этого являлось то, что Павлов зарекомендовал себя за короткое время пребывания в Испании (4–5 месяцев) как исключительный пьяница. Я вообще до сих пор не пойму, почему Павлов так себя вел в отношении пьянства и подчеркнутой грубости и хамства по отношению к окружающим в выпившем состоянии. Я много воевал и много видел людей, но, как правило, за редкими исключениями трусы были пьяницами и в пьяном состоянии способны были проявлять некоторую храбрость при сложных условиях обстановки. Видимо так обстояло и с Павловым в Испании. Однако, все же о храбрости. Павлова за короткое время наградили орденами и присвоили высокое звание Героя Советского Союза. Честно и объективно скажу, что, по сравнению с Павловым, Гореву, Львовичу, Кривошеину, Батову и многим другим тт. надо было присвоить десять раз Героев Советского Союза, но героя дали ему, а тем, кто заслужил это, была уготована тюрьма и смерть. Я думаю, что не последнюю роль в этом сыграли Мерецков, Кулик, сам Павлов и некоторые недобросовестные другие лица. Они же, я думаю, сыграли зловещую роль в судьбе замечательного большевика-революционера, главного военного Советника в Испании Берзина Павла Ивановича[84] *(«Гришин», «Старик»). Должен сказать, что меня лично многие испанцы, чаще коммунисты, с удивлением спрашивали: «Неужели генерал Пабло действительно советский командир и является коммунистом?» Получив подтверждение, они обычно удивлялись и не верили, что он русский, советский человек. Так невелик был авторитет Павлова среди испанцев, с которыми он встречался в своей деятельности. Я думаю, что по сравнению с подавляющим большинством наших советских людей, высоко себя зарекомендовавших в Испании и пользовавшихся среди населения огромным авторитетом, Павлов был из числа нескольких человек, подрывавших авторитет советских людей своим недостойным поведением как коммунист и представитель Советского государства, да еще именовавший себя настойчиво «генералом», хотя таковых не было и в помине в Красной армии; видимо, это было главной его мечтой — стать генералом. Если бы мне и многим моим товарищам было сказано тогда, что мы будем генералами, мы сочли бы это великим для себя оскорблением. Вот, вышли мы из одного советского народа, из одной Красной армии, а главное из одной Коммунистической партии, а мечтали, мыслили по-разному. Вот, не буду говорить о себе, буду говорить о человеке, которого все любят, уважают как полководца, коммуниста и человека. Я говорю о Батове Павле Ивановиче. Он в Испании был на виду у многих и многие его знали. Любили его почти все наши советские товарищи, интеровцы и испанцы, причем не только коммунисты. Любили и уважали его за скромность и храбрость, за ум и военную смекалку, за коммунистическую партийность и человечность, за то, что он был простым и доступным, за то, что он воевал и вкладывал все свои силы в дело победы Испанского народа и ранен был тяжело в Испании, в ту минуту,*

когда был убит его боевой товарищ Матэ Залка и в это время беспокоился он, тяжелораненый, не о себе, а о том, чтобы скорее оперировали находившегося без сознания Залку и чтобы выбытие из строя последнего не отразилось на действиях дивизии, которой Залка командовал, просил передать Белову (Луканову Карлу[85]) и Петрову (Козловскому[86]) — двум замечательным болгарским товарищам, с такими же качествами революционеров, как и у Батова П.И. — об этом. Я никогда не видел в Батове ни малейшей рисовки и проявления хотя бы какой-то степени желания прославиться. Стать генералом или чем-то подобным от прошлого и буржуазного. Он был просто коммунист из Советского Союза. И такими были в своей основе, с небольшими различиями в характере и едиными в революционных принципах Берзин П.П., Эренбург И.Г.[87], Кольцов М.Е., Горев В.Е., Львович Д.О., Воронов Н.Н., Кузнецов Н.Г., Пумпур[88], Смушкевич[89], Тархов[90], Пшеничников[91], Никифоров[92], Ратнер И.М., Малиновский Р.Я.[93], Максимов[94], Штерн Г.М.[95] и многие многие наши скромные и героические товарищи в Испании. Я до сих пор не могу понять, как можно было из поименованных выше и не поименованных уничтожить таких подлинных сыновей народа и оставить как свою социальную опору таких, как Павлов, и некоторых ему подобных с некоторыми тоже различиями, но важными тоже в принципах. Основной принцип их был получить какие-то личные блага, чем-то выделиться от других, прославиться, стать орденоносцем, героем, генералом и т.д. Я думаю, что Павлов, несомненно, принадлежал к последней категории людей. Должен сказать, что в конце 1937 года я ясно видел, что ставка делается на людей, подобных Павлову. Такая ставка, несомненно, способствовала быстрому нарастанию карьеристских, авантюристических, и я бы сказал, других отрицательных качеств у кадров, даже у хороших в своей основе людей.

Однако я отвлекся от своего повествования о Павлове и продолжаю говорить о нем. После срыва операции под Лас-Росаз, Мадридское командование решило провести частную операцию в районе Французского моста и Университетского городка. Операцию эту проводило само Мадридское командование своими силами и, кажется, в тайне от командования Центрального фронта, которому оно не доверяло в силу большого наличия в штабе фронта подозреваемых в связях с фашистами и «пятой колонной» бывших офицеров Испанской армии. В операции участвовали также две танковые роты, все б-машины которых, находившиеся все время в боевых порядках обороняющихся частей и ведших почти непрерывные бои под командованием Армана и Кривошейна, а также рота бронемашин под командованием к-на Панова[96]. После упорных боевых действий в районе Университетского городка мне была поставлена боевая задача подготовить и провести в короткие сроки в целях внезапности наступление в районе Французского моста, для чего мне были приданы указанные две танковые роты и рота бронемашин. Кривошейна в это время не было, он, кажется, уехал принимать прибывшие на кораблях новые танки или формировать новые танковые части для формирования танковой бригады Павлова. Обоими танковыми ротами командовал Арман П.М., а одной из рот командовал Погодин[97], которому как раз за этот бой было присвоено звание Героя Советского Союза. Наступление было начато своевременно и внезапно для противника, большую роль сыграл внезапный артиллерийский удар по противнику,

корректируемый и управляемый с прекрасных наблюдательных пунктов артиллерии на известном 17-этажном здании «Телефоник» с башней. Наступление началось успешно и части быстро захватили плацдарм западнее моста, фашисты в панике начали в беспорядке отходить, бросая тяжелое оружие и вооруженные укрепления, созданные ими на переднем крае. По установленному ранее сигналу рота бронемашин Панова должна была войти в бой и совместно с пехотой и артиллерией громить отходящего в панике противника. Однако, несмотря на поданный Панову сигнал, роту бронемашин не могли вызвать на выполнение боевой задачи. Арман, которому была подчинена рота, неистовствовал и хотел в бешенстве сам ехать искать пропавшую роту, и как он говорил, «набить морду этому трусу и собаке Панову». Я, видя состояние обеих танковых рот, потери, и то, что танки двигались в большинстве только на низких скоростях, а то и вовсе стояли и не могли двигаться из-за неисправностей, и что командир второй роты Погодин сам требует нажима и не сможет держать таковые в руках, решил уговорить Армана остаться и руководить поддержкой, главным образом, огнем, танков наступающей нашей пехоты, а самому поехать искать пропавшую роту бронемашин, от которой зависело дальнейшее наше наступление и его успех. Это тем более я считал правильным, что к тому времени из штаба Мадридской обороны, обрадованные по существу нашему первому успеху активных наступательных действий в районе Мадрида, — приехали испанские товарищи из штаба Мадридской обороны, а также Львович и Ратнер, которые уже вошли в курс обстановки и непосредственно видели почти все поле боя на главном направлении и могли вовремя принять меры или подсказать испанским товарищам, что надо делать в необходимую минуту в ходе боя. Приехав к месту расположения роты бронемашин в одном из переулков северо-восточнее моста, которую я сам видел там за несколько часов до начала наступления вместе с Арманом... Ошибиться я не мог, потому что уже к тому времени я хорошо [знал] Мадрид, да к тому же вечером и сегодня со мной были два великолепных мадридца — шофер Муньос и мотоциклетчик Луис. Последнего я послал проехаться и разведать, где же находится рота. Через некоторое время Луис приехал и доложил, что рота находится около парка, километрах в трех восточнее назначенного ей места. Пораженный такой недисциплинированностью Панова, я поехал к роте и обнаружил роту, расположенную вдоль ограды парка на установленной дистанции машина от машины, но без охраны и наблюдения. Экипажи машин разбрелись кто куда, около машин было только несколько человек, и мое требование найти быстро командира и собрать все экипажи для выполнения боевой задачи выполнялось весьма медленно. Рассвирепевший, я пошел сам искать Панова в сопровождении Луиса и нашел его через некоторое время сидящим за столом с девушкой сомнительного поведения на коленях и с рюмкой в руке. Это было для меня так неожиданно, что я стоял, смотрел и долго не мог прийти в себя. Потом подошел к нему, он встал, девица упорхнула, а он стоял передо мной большой, побледневший с росинками пота на рябом круглом лице и что-то бормотал о своей вине, что он не понял что-то, он думал, что он не понадобится в бою и т. п. От бешенства я не в состоянии был говорить, и только сделав себе больно (чуть не вывихнул себе мизинец левой раненой руки большим пальцем), пришел в себя и начал строго выговаривать Панову

и стыдить его за содеянное. Когда я с ним и его ротой прибыл к Французскому мосту, для ввода его в бой для развития успеха атаки пехоты, было уже поздно, момент был упущен, наступление захлебнулось, фашисты оправились от паники и начали контратаковать со всех сторон вторыми эшелонами соединений, примыкающих к участку нашего прорыва и уже начали подводить к нему более глубокие резервы. Надо было немедленно закрепить достигнутый успех и перейти к прочной обороне на выгодном рубеже, т.к. никаких ближайших резервов у нас для продолжения наступления фактически не было. К этому мы и приступили после короткого совещания, проведенного для понимания обстановки командирами смежных соединений и их частей, участвовавших в операции. Не обошлось, конечно, и без моей ругани вместе с Арманом по адресу этого злосчастного Панова, из-за которого было потеряно около трех часов драгоценного времени и сорвана успешно начавшаяся операция.

Спустя некоторое время, я приехал по делам в Гвадалахару и в штабе Центрального фронта встретил Павлова все в той же генеральской форме и, как ни странно, опять в выпившем состоянии. Мы поздоровались с ним, и он, спросив, как идут дела в Мадриде, начал хвастливо говорить, что «скоро у него будет сильный танковый кулак, и он тогда все и вся сомнет». Я ему ответил, что все и вся мять не надо, а вот фашистов под Мадридом надо было бы разгромить. Он на это ответил, что он именно это и имеет в виду. Вдруг он, как бы что-то вспомнив, хлопнул себя по лбу и начал мне говорить, что он ко мне имеет претензии и, несмотря на то, что с большим уважением относится ко мне, вынужден выразить мне свое недовольство мной за то, что я командую подчиненными ему командирами. Я, не понимая, в чем дело, махнул рукой и пошел, он нагнал меня и сказал мне: «Вот что, Ксанти! Я прошу тебя не повторять больше того, что было с Пановым, когда вы его ругали с Арманом. Что касается Армана, то я с ним разделаюсь как со своим подчиненным, а тебя прошу не командовать моими подчиненными». Позже я узнал, что Павлов, будучи у Панова, выпивал вместе с ним и последний в выгодном для себя свете рассказал Павлову свое трусливое и подлое поведение в бою в районе Французского моста.

В феврале-марте 1937 г. я приехал в район севернее Гвадалахары с целью сформирования нескольких интернациональных групп и спецотряда из состава 1 и 2 интернациональных бригад (Ганса и Лукача) для особых действий, в связи с активностью фашистов севернее Гвадалахары и начавшимся сосредоточением их войск в этом районе. Республиканцы также начали подтягивать к этому району наиболее устойчивые и обстрелянные соединения, главным образом, из Мадрида, в том числе и интернациональные. Поскольку это уже была, так сказать, территория, относящаяся к Центральному фронту, то штаб фронта, а особенно Мерецков, Кулик, Павлов, да и все другие товарищи деятельно начали управлять сосредотачивающимися войсками. Готовилась операция на этом направлении с целью развить успех в направлении Сарагосса, ослабления группировки фашистов под Мадридом и, если удастся, ослабить нажим фашистов на севере против Бильбао и Сантандера.

План операции еще не был разработан, когда развернулись события, которых никто не ожидал и которые создали славу Мерецкову, Павлову, Кулику и меньше всего основным участникам т.н. разгрома Итальянского экспедиционного

корпуса под Гвадалахарой. Дело в том, что Итальянский экспедиционный корпус, поднимавшийся с юга и двигавшийся в район сосредоточения несколькими колонами, правой колонной правофланговой дивизии, в ночь на «...» ...[98] вошел по дороге с левого фланга в расположение обороны бригады Кампесино[99]. А затем вошел в центр обороны N дивизии, и тут только поняли, что это колонна противника, фашистов, причем итальянская по составу. Поднялась стрельба, целую ночь шел бой, и никто толком не понимал, что происходит. Я, накануне вечером приехавший с небольшой группой, тоже поспешил к месту событий. Утром на рассвете все начало проясняться. Полк итальянцев уже был почти разгромлен частями дивизии Листера, 1 и 2 интербригадами Ганса и Лукача, вернее, он целыми подразделениями быстро сдавался в плен. А тылы итальянского полка — длинная колонна автомашин различных цветов и марок, нагруженных всяким имуществом, стояла по дороге. Хвоста ее не было видно, т.к. он терялся за линией обороны бригады Кампесино где-то на территории, занятой фашистами. Стоя на возвышенности и наблюдая это, я вдруг увидел летящие наши бомбардировщики и был весьма доволен, когда увидел, как они начали делать заход и бомбить где-то далеко за линией нашей обороны, как я понял, не успевшие рассредоточиться главные силы Итальянского экспедиционного корпуса, что потом и подтвердилось. Вероятно, этот удар наших бомбардировщиков помешал итальянцам принять меры к спасению попавшей в описанную выше беду колонны правофланговой итальянской дивизии. Часа через два, когда почти уже все было кончено, я увидел колонну танков, как оказалось потом, под командованием Павлова, которая, развернувшись в боевой порядок, у меня на глазах начала вести огонь по колонне стоявших на дороге длинной вереницей итальянских автомашин, а затем начала давить гусеницами и разбивать эти машины ударами танков. Почти около 300 автомашин, если не больше, было раздавлено и разрушено танками, некоторые машины начали гореть, снова поднялась стрельба, которая стихла только к вечеру. Так я наблюдал второй раз героизм Павлова. И действительно, описанные выше коротко события послужили большой темой и основанием для официальных докладов, сперва робких, а потом, войдя во вкус, и уверенных, не вызывающих сомнений о заранее спланированной и разработанной Мерецковым, Куликом и Павловым Гвадалахарской операции. Использовав огромное политическое значение неудачи части Итальянского экспедиционного корпуса и ее разгром, авторы эти приписали себе и запланированный ими якобы разгром Итальянского экспедиционного корпуса, т.е. т.н. Гвадалахарскую операцию. Павлову за эту операцию было присвоено звание Героя Советского Союза и вскоре он как получивший ценный боевой опыт и перспективный командир уехал на родину. Впрочем, Мерецков и Кулик тоже скоро уехали. Горев же и мы, все остальные, продолжали воевать хотя и намного раньше приехали и воевали честно в гораздо более тяжелых условиях, в далекой, но близкой сердцу стране Испании, хотя всем нам страшно хотелось домой, на милую Родину в Советский Союз.

Военные авторы версии о Гвадалахарской операции имели целью противопоставить последнюю героической битве за Мадрид, хотя в событиях севернее Гвадалахары не менее активно участвовали почти все основные участники и организаторы героической обороны Мадрида ноября-декабря 1936 г.

В четвертый раз я увидел Павлова по приезде домой, в Москве, когда он в военной академии имени М.В. Фрунзе делал доклад в 1938 г. для только что выдвинутых на несколько ступеней новых кадров, главным образом, из числа беспартийных офицеров царской армии. Доклад Павлова носил сумбурный характер, чувствовалась его теоретическая несостоятельность и демагогическая, я бы сказал, наглость. Он так расписывал свои заслуги в Гвадалахарской операции и так врал, грубо говоря, что я глядел на него и не верил ни своим ушам, ни своим глазам. Сидевшие недалеко от меня некоторые участники этой операции переглядывались со мной и давали глазами и знаками понять, что поражены этому вранью и самовосхвалению. Ах, если бы Павлов так вел себя в начале Великой Отечественной войны в 1941 году, как он расписывал в докладе себя и свою смелость и храбрость. Может быть, я бы не писал тогда эти горькие строки, посвященные ему. По окончании доклада, когда я стоял в группе знакомых командиров, Павлов, проходя мимо в сопровождении многих командиров, заметил меня и, подойдя ко мне, поздоровался за руку и почему-то произнес: «Так-то вот, Ксанти», а потом, повернувшись к сопровождавшим, снисходительно и покровительственно произнес: «Это один из самых храбрых людей, которого я знаю за свою жизнь». Почему он это сказал, осталось для меня загадкой. Он был уже «комкор», раздобрел, имел самоуверенный вид, как говорят, «как будто бы бога взял за бороду». Подавляющее большинство командиров имело подавленный вид в связи с проходящими изъятиями и арестами командного, политического и остального начсостава, а Павлов имел вид, как будто это его не касается и он даже доволен происходящими событиями. Такое осталось у меня впечатление об этом дне с докладом Павлова.

Пятый раз я встретил Павлова в Ленинграде во время войны против белофиннов. Встреча была накоротке в штабе округа. Он был очень озабочен и как мне показалось от него несло водкой. Он несколько растерянно, но с бравадой спросил не хочу ли я с ним войти на танках в Хельсинки, на что я шутливо ответил — не хочет ли он со мной прокатиться на лыжах. Он засмеялся и посерьезнев сказал мне, что он формирует танковую группу для действий в обход линии Маннергейма[100] по льду, и что с подготовкой к этому много мороки. Он был очень озабочен. Таким я его ни разу не видел. Я впервые увидел в нем простые человеческие черты. И мне почему-то было приятно это. Я ему искренне сочувствовал и в душе желал ему всякой удачи.

В шестой раз мы увиделись с ним в Кремле на совещании по итогам войны с белофиннами. На совещании я выступил с критикой деятельности на фронте Мехлиса Л.З.[101], что вызвало бурную реакцию и поведение последнего на это, а также Щаденко Е.А.[102] Выступление мое было несколько необычным, вызвало большие отклики и в перерыве многие подходили ко мне, одобряли выступление, благодарили, жали руки. Подошел ко мне и Павлов, как бы боком, искоса глядя на меня, поздоровался со мной и сразу же понизив голос сказал мне: «Ну пропал ты, фашисты тебя не убили, теперь свои убьют, гляжу я на тебя и не пойму — дурный ты чи шо?» Так и сказал — дурный ты чи шо?! Я долго не мог понять, что это такое. Только потом, когда я все это рассказал покойному Кузьме Николаевичу Деревянко[103], который был на фронте начальником штаба Особой лыжной бригады, которой я командовал, он разъяснил мне смысл этих слов. А я было думал [о] воре ишака!

Мне было смешно и мы с Деревянко здорово смеялись над моим знанием украинских оборотов речи. Меня с Деревянко связывала крепкая мужская, настоящая боевая дружба, и я о нем, этом замечательном, боевом командире обязательно расскажу.

В седьмой и последний раз мы встретились с Павловым в начале Великой Отечественной войны в 1941 году. 24 июня меня вызвал начальник Главного[104] управления[105] и заявил мне, что ему предложено откомандировать меня в распоряжение маршала Советского Союза тов. Ворошилова Климента Ефремовича, а он считает это неправильным в такой момент и обратится по этому вопросу в ЦК партии. Я несколько удивился недисциплинированности и смелости своего начальника (последним качеством он как мне известно не обладал) и сказал ему: «Для меня слово ЦК самое высокое, как ЦК скажет, так и будет, я солдат и выполню любой приказ партии.» Однако, видимо в ЦК подтвердили мое откомандирование в распоряжение товарища Ворошилова К.Е. и за час до отхода поезда мой начальник вдруг мне сообщил, что я должен отбыть с маршалом особым поездом из Белорусского вокзала, и что в моем распоряжении около часа времени. Тут же поехал домой на машине, чтобы захватить с собой хоть пару белья. Быстро приехав и собрав необходимые вещи, я с чемоданчиком побежал вниз по лестнице и встретил поднимавшуюся по ней Лину, только что приехавшую с Западного округа — где она в составе курса в/академии имени Фрунзе была в районе Гродно на стажировке. Поговорив на лестнице две-три минуты и попрощавшись, я поехал на Белорусский вокзал, где быстро нашел особый поезд, уже готовый к отходу. Я вошел в вагон-салон, где находился маршал Советского Союза Ворошилов К.Е. и представился ему, доложив, что прибыл в его распоряжение. Он спросил меня, почему я не прибыл к нему утром, я ответил, что мне разрешено было явиться только около часу тому назад. Он был очень удивлен этому, и неодобрительно отозвался о моем начальнике, говоря, что зря он его защитил в свое время, т.к. он тоже был в списке подлежащих уничтожению, но он его отстоял. Я был весьма удивлен такому откровенному разговору о списках подлежащих уничтожению, но откровенно говоря, не совсем понял, о чем идет речь[106]. Только в вагоне я получил указание товарища Ворошилова куда мы едем, каковы наши задачи и каковы лично мои обязанности.

Как мне объяснил Климент Ефремович, он ехал в Минск в связи с тем, что со дня вероломного нападения фашистской Германии на нашу Родину 22 июня 1941 года штаб Белорусского Особого военного округа, которым командовал уже командарм 1 ранга Павлов Д.Г., потерял связь с Генеральным штабом. Все попытки центра установить связь с ним ни к чему не привели до вечера 24 июня. Как я понял товарища Ворошилова особо беспокоила судьба заместителей народного комиссара обороны маршала Советского Союза Шапошникова Бориса Михайловича[107] и тоже уже знакомого нам по Испании и тоже уже маршала Советского Союза Кулика Григория Ивановича — находившихся к началу войны в Белорусском Особом военном округе со специальными заданиями (как я понял Шапошников занимался вопросами строительства укрепленных районов на новой линии в связи с выходом наших войск по договору с гитлеровской Германией, а Кулик кажется инспектировал войска. Здесь уместно сказать, что трудно себе представить большую глупость в государственной военной политике, когда система укрепленных районов, хорошо освоенная, вооруженная и подготовленная вдоль старой

границы с прибалтийскими странами, Польшей и Румынией, стоившая советскому народу огромных средств, была разрушена в связи с выходом наших войск западнее старой границы в среднем на 100–200–300 км, в связи с договором с гитлеровской Германией после поражения Польши. Не построив новой линии оборонительных рубежей, разрушили надежную и прочную «старую» систему обороны. Что было совершенно не понятно, это то что на разрушение также были затрачены большие средства, но ни одна взорванная железобетонная глыба не предполагалась использоваться на новой линии предполагаемых укрепленных районов, а тем более вооружение, снятое с них. Даже войска, занимавшие их, были переформированы и использованы по другому назначению. Лишь накануне самого нападения фашистской сволочи на нашу священную Землю начали заниматься изучением создания новой линии укрепленных районов. Этим вопросом и занимался маршал Советского Союза Шапошников Борис Михайлович, как рассказали мне и другим присутствующим не переставший возмущаться всеми этими делами и всю дорогу Климент Ефремович. Не знаю, в какой мере виновен во всех этих делах сам Климент Ефремович Ворошилов, освобожденный с поста Народного комиссара обороны ССС в апреле 1940 года, но в этой поездке он воочию видя многие наши ошибки и просчеты не переставал возмущаться, давая понять что виновен в них кто-то другой и в частности сменивший его на посту наркома обороны маршал Тимошенко С.К[108].

В разрушении прежней линии укрепленных районов К.Е. Ворошилов почему-то намекал недвусмысленно на вину сменившего Б.М. Шапошникова на посту начальника Генерального штаба генерала Жукова Г.К[109]*. Поезд наш после проезда Орши с одного из полустанков вернули обратно, т.к. немцы недалеко от него перерезали железную дорогу и путь на Минск был тем самым закрыт. Здесь произошел эпизод, которому я был свидетель. Я не помню название полустанка, но обеспокоенный длительной стоянкой поезда я вышел из вагона и увидел невдалеке у следующего впереди вагона, где размещалась охрана К.Е. Ворошилов чего-то кричащего и требующего. Когда я подбежал, то увидел группу наших людей комбрига Сахарова, кое-кого из охраны, какого-то железнодорожника и возмущенного Климента Ефремовича. Оказалось, что железнодорожник не хотел пропускать поезд далее на Минск, а Ворошилов ругался, кричал, грозился и требовал пропустить его поезд. Я услышал, как железнодорожник говорил: «Климент Ефремович! Ну как я пропущу Вас, когда на следующем перегоне немецкие танки. Мне же это никто никогда не простит. Прошу Вас, товарищ маршал, ехайте обратно в Оршу!» Я нарочно написал так как он говорил: «ехайте». Это был сильный мужчина лет пятидесяти, как выяснилось потом в разговоре, участник гражданской войны, первоконник*[110]*, который сразу признал Ворошилова, по портрету по его словам. Ворошилов был одет в гимнастерку с синими кавалерийскими петлицами, т.е. в форму, в которой он был снят в распространенном тогда портрете. Когда поезд наш вернулся в Оршу и прибыл 26 июня в Могилев, откуда мы начали поиски штаба Белорусского Особого военного округа, поскольку мы имели уже многочисленные данные о том, что он вышел из Минска и якобы двигался в направлении Могилева.*

Климент Ефремович также как и мы лично ездил на машине в западном, с-западном и ю-западном направлениях от Могилева в поисках штаба Западного округа.

Во время этих поездок, когда проезжали мимо каких-то авиаремонтных мастерских, К.Е.Ворошилов приказал остановить машину и начал шуметь и кричать: «Какой дурак тут разрешил строить эти мастерские (он сказал этот завод?)?» Я совершенно не желая его обидеть и не допуская даже мысли об этом сказал: «Наверное без Вашего ведома его здесь не построили, он уже давно построен». Я хотел сказать что завод был построен тогда когда он еще был наркомом обороны. Он посмотрел на меня внимательно и произнес: «Выходит, что дурак я? Ну что же, пусть будет так. Дурак да еще старый!» Я смутился. Мне стало его жалко и я в душе очень себя ругал за бестактность и недопустимую болтовню. Поводом к этому разговору послужило то обстоятельство, что за час до нашего проезда мастерские эти бомбила авиация немцев. Одновременно с поисками вся наша особая группа в составе Гая Лазаревича Туманяна[111], Василия Абрамовича Трояна[112], Фомина[113] и меня работала по насаждению специальной сети в районе Рогачева, Могилева, Орши, останавливали отходящие части, потерявшие связь с вышестоящим командованием, именем маршала Советского Союза Ворошилова К.Е. направляли часть из них в район Чаусы на сосредоточение и организационное укрепление в тылу, а более боеспособные части тоже именем Ворошилова ставили в оборону на основных направлениях с задачей не допускать прорыва немецких танковых частей на этих направлениях.

У меня долгое время была записная книжка с расписками командиров частей и соединений о полученной боевой задаче по обороне направлений западнее рубежа Орша, Могилев, Рогачев. Задачи каждый [раз] ставились от имени маршала Советского Союза Ворошилова К.Е. Некоторые командиры, особенно старше меня в звании (я был полковником с февраля 1938 г.) если можно так выразиться, ерепенились, не хотели подчиняться, но имя Ворошилова действовало магически и ставившаяся мною боевая задача ими принималась после этого без разговоров. Я брал с них расписки в получении боевых задач. Это я начал делать по совету Климента Ефремовича, которому я каждый раз докладывал обо всем, что делала вся наша группа. Он одобрял все наши действия и сам лично очень много труда приложил в этом же направлении. Все это время наша группа держала связь с Москвой и нам было известно, что к утру 27 июня 1941 года штаб Белорусского Особого военного округа связи с Москвой еще не установил. Мы все очень нервничали в связи с этим. Утром 27 июня я снова выехал на поиски штаба округа. Когда после безуспешных поисков возвращался в сторону Могилева с запада, на перекрестке двух дорог встретил двух отходящих милиционеров, идущих по их словам из Минска на восток. На мой вопрос не видели ли они, где Совнарком Белоруссии (по их словам они работали по охране Совнаркома Белоруссии) они ответили, что они как раз идут оттуда и что ВК и Совнарком Белоруссии километров десять не доезжая до места, где мы стояли, свернул влево в лес, а мы пошли прямо. Я поехал на запад по указанной милиционерами дороге и через короткое время въехал по следам большого количества проехавших машин, в лес. Когда я отъехал от дороги по указанной лесной дороге со следами большого количества машин километров семь, я начал встречать большие группы военных вперемешку с гражданскими, а тут еще пошел дождь и первое время я даже колебался, здесь ли может быть штаб округа, такой был кругом беспорядок и бестолочь. В цыганском таборе и то наверное бывал больший

порядок. Пройдя немного по тропинке я вдруг увидел стоящим на корточках порученца маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова — бригадного комиссара Маслова[114], которого знал и подойдя ближе, увидел лежащего на земле с подложенной под голову свернутой шинелью самого Шапошникова Б.М. Маслов накрыл его плащом, и я вначале подумал, что маршал лежит мертвый, таким бледным мне показалось его лицо на расстоянии 10–12 шагов. Подойдя к нему я посмотрел направо и увидел сразу Павлова, сидящего под сосной и кушающего из солдатского котелка, как потом оказалось, гречневую кашу. Он был один, рядом с ним никого не было и видимо он был очень голоден и ел не обращая внимания ни на дождь и ни на кого. По отношению ко мне он сидел в профиль и видимо меня не видел. Когда я подошел к Шапошникову и увидел, что он жив, я очень образовался, представился ему и доложил, что в Могилеве находится Ворошилов. Шапошников очень обрадовался, даже превозмогая боль присел, сказал: «Как хорошо, что он приехал сюда, как хорошо, слава Богу», охнул, и снова лег, закрыв глаза. Он очень плохо выглядел. Я пошел к повернувшемуся в нашу сторону Павлову, подошел к нему, представился ему по всем правилам, он тяжело встал, бледный, растерянный и с деланной улыбкой спросил: «Ты какими судьбами Ксанти сюда попал? (Почему-то он все время меня называл по моей испанской кличке). Вот видел в какой переплет я попал». Когда я ему сказал, что приехал с маршалом Советского Союза К.Е. Ворошиловым в качестве порученца по особо важным делам и мне понадобится его помощь, он ответил, что для меня он отдаст пол-округа, если нужно. Я ответил, что пол-округа уже наверное у немцев. Он вздохнул и спросил, где Ворошилов, я ответил что в Могилеве и сейчас я за ним поеду. Он снова со вздохом заметил: «Ну теперь я пропал». Я спросил его участливо, чтобы как-то подбодрить его: «Почему штаб округа не может до сих пор установить связь с Москвой?» Почему-то мне показалось, что мой вопрос был для него новостью. Не знаю, может быть он и не подозревал об отсутствии связи с Москвой, или он вообще забыл об этом, но он как-то еще более растерялся и вдруг матерно выругался не знаю по чьему адресу. Я сказал ему, что должен немедленно ехать к Ворошилову, доложить, что нашел Вас, сказал ему, что надо к приезду Климента Ефремовича навести воинский порядок в районе расположения и подготовиться к подробным докладам ему об обстановке. Он поблагодарил меня за советы и пошел отдавать необходимые распоряжения. Я быстро поехал, чтобы доложить Клименту Ефремовичу обо всем. Когда я приехал в Могилев и доложил в вагоне Клименту Ефремовичу, что нашел штаб округа, Шапошникова и рассказал ему все, с чем мне пришлось встретиться, он очень обрадовался, что нашелся Шапошников, и начал спрашивать о Кулике, о котором кое-кто из разведчиков округа рассказал мне, что видели его переодетым, в лаптях, выходящим из окружения в районе юго-восточнее Гродно. Говорили люди, которые видели его два дня назад лично, и некоторые говорили от имение людей, которые видели его день назад. Все это я рассказал товарищу Ворошилову, после чего он быстро собрался, сел в машину, и в сопровождении нас приказал ехать в расположение штаба округа. Доехали благополучно. В то время даже одиночные немецкие самолеты охотились за отдельными машинами, да и на отдельных дорогах действовали заброшенные вражеские диверсанты и десанты, выброшенные по воздуху в наш ближайший и оперативный тыл.

Я хорошо запомнил слова железнодорожника на разъезде за Оршей, который сказал Ворошилову, что ему никто никогда не простит если что с ним случится. Эта мысль во мне тоже крепко сидела и когда выезжали, я приказал охране как можно в большем составе следовать за нами, а сам был готов к немедленным действиям по защите Климента Ефремовича в случае опасности, сидя сзади него в машине. Рядом со мной сидел его адъютант Щербаков Л.А.[115] Когда мы подъехали к району расположения штаба, между двумя деревьями, стоявшими по обоим сторонам дороги, уже была перекладина, обозначавшая видимо шлагбаум, около которой стоял длинный, какой-то нескладный красноармеец. Похоже было, что это только что призванный в армию. Рядом недалеко стоял какой-то командир, как потом оказалось только что назначенный из командиров штаба помощник дежурного по штабу округа. Машина Ворошилова остановилась не доезжая до перекладины и остановилась в ожидании, что кто-нибудь подойдет проверить нас и пропустит или откроет импровизированный шлагбаум. Никто даже и не повернулся в нашу сторону. Все были в каком-то оцепенении, и как будто скованными. Ворошилов весьма спокойно сказал водителю: «Объезжай вправо». Машина повернула вправо, объехала перекладину и поехала вперед между редкими соснами и выехала снова на дорогу. Проехав метров тридцать Ворошилов приказал остановить машину, вылез из нее и пошел в сторону шлагбаума, мы с Щербаковым тоже выскочили и пошли за ним. Здесь произошла сцена немного позабавившая нас всех в такую трагическую минуту, и я ее запомнил хорошо. Красноармеец стоявший у перекладины долго стоя на месте внимательно всматривался в подходящего Климента Ефремовича и вдруг уронив винтовку, всплеснул руками и ударив ладонями по коленям вскричал протяжно: «Ворошилов». Это сильно насмешило самого Климента Ефремовича, он начал смеяться от души как и мы все и видимо пропало его намерение хорошенько отругать присутствующих в этом районе н-ков за этот беспорядок, и махнув рукой повернулся ко мне и сказал: «Веди меня к Шапошникову — где он лежит?» Мы пошли туда, где я оставил его лежащим на земле, метрах в 700 от шлагбаума вправо от дороги. И я увидел что Шапошников который два часа тому назад не мог даже сидеть, стоял подтянутый, свежевыбритый и с радостным видом бодро шагнул в сторону Ворошилова, обнялся и расцеловался с ним. Такая выдержка, сила воли, мне пришлись по душе и мне импонировали. Я считал всегда и считаю сейчас, что таким должен быть настоящий военный вообще, а тем более страны социализма.

В это время подошел и командующий войсками Белорусского Особого военного округа командарм 1 ранга Павлов Д.Г. и стал отдавать рапорт Ворошилову по всем воинским правилам. Он стаял навытяжку, приложив руку к козырьку, бледный и докладывал. Руки у него дрожали. Это был не тот Павлов, которого я знал и встречал ранее. Ничего похожего не было у Павлова теперешнего от прежнего. Даже лицо было совсем другое. Я уверен из нескольких разговоров с ним за эти дни, что он многое передумал и пересмотрел в своих взглядах. Ворошилов дал указания Павлову по установлению связи с войсками, приказал мне отправить машиной тов. Шапошникова в вагон в Могилев, вызвав предварительно врача и проконсультироваться у него. В это время появился корпусной комиссар Фоминых[116] — член Военного Совета округа, у которого почему-то фуражка

сзади была вздернута вверх и начал представляться Ворошилову, который вдруг рассвирепел и начал на него шуметь: «А ты где был, какой ты член Военного Совета, бездельник, спишь так твою растак, кем ты недоволен из начальства?» (намек на верх фуражки).

Не знаю, что бы было дальше, но в это время подошли секретарь ЦК партии Белоруссии Пономаренко П.К.[117], Нарком Гос. безопасности Белоруссии Цанава[118] и ряд других белорусских руководителей. Ворошилов начал заниматься выяснением и уточнением сложившейся обстановки, а я по его поручению начал заниматься и своими особыми делами, одновременно начал подбирать офицеров связи из штаба округа и рассылать их во все стороны предполагаемого местонахождения штабов армий и соединений. Кое-как наладив все это и после того как освободился Пономаренко, я постарался встретиться с ним и он видимо уже предупрежденный Ворошиловым сам искал меня и Г.Л. Туманяна по вопросам организации партизанского движения и срочной подготовки специальных кадров. С Пономаренко говорили мы втроем с тов. Туманяном Г.Л., быстро поняли основные задачи и набросали план мероприятий и подготовки специальных кадров. После этого я по указанию Климента Ефремовича сел на У-2 штаба округа и начал облет возможных путей и мест в поисках маршала Советского Союза Кулика Г.И., руководствуясь описанием его внешности имевшемся у нас (в крестьянской одежде, в лаптях, с большой палкой в руке, в окружении 2–3 человек в такой же одежде). Все мои попытки найти Кулика, полеты на самой низкой высоте и даже над двигающимися колоннами немецких танковых частей не привели к успеху, за исключением того что я нанес рубежи на которые вышли немецко-фашистские войска к определенному времени. Все эти данные, а также данные полученные из других источников, в большинстве своем случайных, как и мои, позволили составить более или менее ясное представление об общей обстановке и даже о возможных намерениях противника в полосе Западного фронта. Все это было продумано нами и доложено Ворошилову и штабу округа для принятия необходимых мер. Во второй половине дня Ворошилов собрал всех руководящих работников штаба округа и предъявил к ним серьезные претензии. Особо странно вел себя начальник связи округа Григорьев[119]. Он пожалуй один из всех, казалось, был доволен сложившимися обстоятельствами и хотя был главным виновником отсутствия связи с войсками и Москвой, не унывал и как говорят «в ус себе не дул». У всех остальных был весьма подавленный вид и заметно было что им всем стыдно и неудобно за все происшедшее. Начальник штаба округа Климовских[120], назначенный на эту должность как говорили недели за две до этих событий, всеми силами старался что-то делать, суетился, но как мне казалось занимался мелочами и второстепенными делами, был видимо подавлен происходящими событиями и как я понял совсем не имел качеств организатора. Я знаю трудную и ответственную работу начальника штаба, который должен обладать крепкой волей, быть хорошим организатором, всесторонне грамотным военным начальником, могущим умело направить огромный, сложный коллектив штаба на достижение единой цели. Я глядел на замечательного видимо человека Климовских и не видел в нем качеств начальника штаба о которых я говорил выше. Климент Ефремович провел большую работу по сколачиванию личного состава штаба округа, приведению его в порядок,

ориентированию его в обстановке и ближайших задачах, стоящих перед нами по организации руководства войсками и усилению организованного отпора войскам. Я читал книгу Еременко о первых днях событий на Западном фронте, удивлялся его бахвальству и непониманию где он был. Я видел его только числа 4 или 5 июля под Смоленском, а до этого ни один из нас его не видел, а что касается того что он пишет что занимался организацией партизанского движения, то мягко говоря пишет неправду. Мы все во главе с Ворошиловым с утра до вечера ничего не ели и проведя напряженный день Ворошилов вместе с нами уехал в Могилев в свой вагон. Приехав в вагон и перекусив, наша группа сразу же выехала как договорились с тов. Пономаренко П.К. для подготовки нескольких десятков предназначенных для работы в тылу немецко-фашистских войск партийно-советских работников Белоруссии. Оставив Трояна и других для подготовки собранных людей, я сам как мне было сказано Ворошиловым, поехал в Могилев и провел совещание руководства области и города по мобилизации населения по устройству противотанковых заграждений, по вывозу ценностей вглубь страны, по созданию отрядов по борьбе с десантами и забрасываемыми диверсантами противника. На это ушло несколько часов, оставив для продолжения этой работы в городе товарища из нашей группы, сам я поехал к нашему поезду. Когда я вошел в вагон, в салоне, на диване, на постели лежал Шапошников Б.М. и разговаривал с Ворошиловым.

Я подробно доложил Клименту Ефремовичу о проделанной работе и об обстановке к ночи 27 июня 1941 года. Ночью в моем присутствии Шапошников начал подробно излагать Клименту Ефремовичу события перед 22 июня и до 27 июня. Я хотел уйти и попросил об этом разрешения, но Ворошилов приказал мне остаться. Откровенно говоря, я хотел хоть часок поспать, так как почти пять суток нервной обстановки и работы я почти не спал. Я брал пример с Климента Ефремовича, видя его бодрствующим и работающим, мне было стыдно перед собой отдыхать в такой обстановке. Мы начали приспосабливаться к тому как отдыхал Ворошилов, отойдя в сторонку как сегодня, садился на пень, а то прямо на землю и минут пять дремал. Потом вставал, потягивался и как ни в чем не бывало принимался за работу снова. После рассказа Шапошникова, о котором надо говорить особо, они начали обсуждать вопрос о Павлове и что делать дальше. Климент Ефремович сказал, что он имеет указание при всех условиях отстранить Павлова от командования округа и направить его под охраной в Москву. Шапошников подтверждая его неспособность в роли командующего, считая его арест ошибкой которая кроме вреда ничего не принесет. «Не то время теперь», — повторил он несколько раз и делая заключение сказал: «Это внесет большую сумятицу в среде командного состава и без того не забывшего вероятно недавнее изъятие людей. Это будет самоубийством. Враг жесток и видимо поставил перед собой решительные цели». Ворошилов глубоко задумался и долго не произносил ни слова. Шапошников лежа закрыл глаза и мне опять показалось что похож на мертвеца. Мне нестерпимо хотелось спать, нарушать тишину и повторно просить разрешения уйти мне было неудобно. Вдруг Ворошилов как-то встрепенулся и взял со стола блокнот и начал писать как я увидел шифрованную телеграмму на имя Сталина и других членов руководства. Составив телеграмму он ее прочел Шапошникову. В телеграмме была

обрисована обстановка к исходу 27 июня, делались выводы и предложения. О Павлове Климент Ефремович просил оставить его и не арестовывать, а отстранить от командования Западным фронтом и назначить командующим танковой группы из отходящих танковых частей, сосредотачивающихся в районе Гомель — Рогачев. По нашим данным там должно было сосредоточиться около двух танковых дивизий. Разосланные нами по всем направлениям командиры штаба округа имели задачей наряду с установлением связи со штабами соединений, давать также указания командирам танковых частей и соединений отходить в район Рогачев — Гомель в резерв командующего Западным фронтом. Мне докладывал вечером 27.6 командир из штаба (разведки) округа, посланный мною на машине утром того же дня во время моего первого прибытия в расположение штаба округа, о том, что в этом районе сосредоточено уже много танковых частей, но очень мало материальной части.

Написав телеграмму он вызвал шифровальщика и приказал зашифровать и немедленно отправить ее. Это было около двух часов ночи 28 июня 1941 г. После этого Климент Ефремович приказал Щербакову Л.А. подать что-либо на ужин. Минуты через 2 повар принес хлеб, ветчину нарезанную крупными ломтями и чай. Ворошилов поел один ломоть ветчины, потом вдруг рассердился и начал кричать: «Франц! Товарищ Франц!» Повар вошел и вытянулся перед сердитым Климентом Ефремовичем. Ворошилов глядя на него с укоризной начал говорить ему, что мол «Как ему не стыдно подавать ему такой ужи, — ведь он Ворошилов как-никак маршал Советского Союза и рядом лежит второй маршал Советского Союза», и он показывал на лежавшего казалось мертвым Шапошникова. «Ну что ты нарезал, разве так нарезают ветчину, это в паршивой харчевне и то лучше подают». Франц переминался с ноги на ногу и виновато улыбался. Ворошилов начал ворчать и говорить, что вот пока он был наркомом такого не было, а теперь даже Франц, который ему верой и правдой служил после смерти М.В. Фрунзе и тот теперь его игнорирует. Климент Ефремович рассказал мне, что Франц — чех и перешел к нему от Фрунзе, после его смерти, у которого он работал с 1919 года. После этого он начал пить чай вприкусу и выпив стакан, перевернул его вверх дном на блюдечке, отодвинул в сторону и собрав в ладонь крошки хлеба со стола — отправил их в рот. Я сидел и с любовью смотрел на своего любимого наркома, Ворошилов же после этого подпер голову руками и начал в таком виде дремать. Я тихо встал из-за стола и вышел. Сняв в купе свою плащ-палатку я вышел из вагона и лег спать недалеко от вагона, на земле, завернувшись в плащ. Часовой у вагона из нашей охраны был очень удивлен и подойдя ко мне спросил, почему я не сплю в вагоне и начал меня упрашивать чтобы я пошел нормально отдыхать, т.к. впереди по его словам у меня еще много дел и надо перед завтрашним днем хорошо отдохнуть. Потом подумав немного, решил видимо что на фронте какие-то большие наверное неприятности, понизил голос, присел на корточки и спросил: «Что плохо с фашистами, они говорят проклятые прут вперед не оглядываясь и что с нами за беда такая приключилась товарищ Хаджи?» Удивившись, что он знает мое имя я вдруг понял всю серьезность обстановки до конца. Сон с меня как рукой сняло, я встал, успокоил часового, пошел в вагон и тихо разделся в купе, где снова заснул через некоторое время. Это была пожалуй последняя ночь когда я разделся и лег на чистую мягкую постель

на длительное время в последующем. Еще не рассвело совсем как меня разбудил голос Климента Ефремовича. Значит я спал всего около часа. Я быстро вскочил, оделся, помылся и вошел в салон, где уже сидел за столом Ворошилов и разговаривал с лежавшим Шапошниковым, закусывая. Увидев меня он пригласил меня к столу. Я сел, наскоро закусил и выехали всей группой снова в штаб округа или вернее уже фронта. Я поехал проверять ход подготовки вчерашней группы спец. кадров, а потом приехал к Пономаренко П.К. договориться о месте и сроке сбора новой большой группы партийных и советских работников Белоруссии для подготовки их в качестве организаторов и руководителей партизанских отрядов и диверсионных групп. ЦК компартии Белоруссии, т.т. Пономаренко П.К., Эйдинов[121], Киселев[122] и др.; из нашей особой группы тт. Туманян Г.Л., Троян В.А., Фомин и др. Сам товарищ Ворошилов лично внимательно вникая и направляя нашу работу по этой важной деятельности нашей Коммунистической партии и советского народа, сыгравшей столь великую роль в Великой Отечественной войне, в самом ближайшем последующем и до нашей Великой победы в этой войне. Я не могу здесь не указать этих зачинателей и организаторов партизанско-диверсионной борьбы в тылу немецко-фашистских захватчиков. Поистине неоценима заслуга упомянутых товарищей. Даже та часть выступления Сталина 3 июля 1941 года по радио, которая касалась мобилизации всех советских людей на партизанскую и диверсионную борьбу против немцев и создания условий когда земля должна гореть под ногами немецко-фашистских захватчиков, была составлена нами под Могилевом под руководством тов. Ворошилова и направлена в Москву с нашими предложениями отдельно Ворошиловым, а затем с более подробными соображениями товарищем Пономаренко П.К. в ЦК ВКП(б).

Уже 28 июня я видел результат работы Климента Ефремовича по наведению порядка в штабе фронта и главное ту бодрость и уверенность которую он вселил в людей, когда 27-го и 28-го июня он говорил личному составу и коммунистам как в 1918 году советские люди голые и босые, почти бузе оружия, били и изгнали вторгшихся на нашу землю вооруженные до зубов полчища германских войск. Самое интересное что Павлов 28 июня уже выглядел другим и радовался глядя на него, так активно и деятельно он начал действовать. Здесь не могу привести один случай который характеризовал способность Ворошилова быстро использовать любой факт в интересах дела. 28 июня когда Ворошилов снова собрал весь руководящий состав штаба фронта для заслушивания их докладов и дачи указаний, я увидел подлетавшую группу немецких бомбардировщиков, быстро подбежал к собравшимся и обратившись к Ворошилову доложил об этом. К моему удивлению, вместо того чтобы скомандовать «По щелям», которые были отрыты 27 июня, накинулся на меня и шуметь на меня о том что «Я пугаю людей, а они и без того напуганные, вот-вот разбегутся, у них до сих пор не прошла дрожь в коленах», и т.п. Я понял замысел Ворошилова. Реакция собравшихся была совершенно отличной от вчерашнего. Многие из собравшихся в ответ на реплики Климента Ефремовича начали смеяться и не обращала внимания на гул подлетающих бомбардировщиков. Климент Ефремович не обращая никакого внимания на немецких бомбардировщиков продолжал говорить с собравшимися. Бомбардировщики пролетели над нами чуть в стороне. После

совещания Ворошилов поехал с Пономаренко и со мной посмотреть первую группу подготовленных в течение двух суток по тактике, организации и подрывному делу будущих организаторов партизанско-диверсионной борьбы и подпольных организаций в тылу фашистов. Мне самому который видел их в начале, они очень понравились сейчас своим спокойствием, уверенностью и сознанием собственного достоинства после той короткой подготовки которую они получили. Многие из них весьма благодарили за подготовку и говорили что им кажется что они прошли университет за эти два дня, и что они смело теперь приступят к боевой работе в тылу у фашистов. Однако все же нашелся один который заявил Ворошилову и Пономаренко в беседе, что он не пойдет работать в тыл к немцам, потому что его не любит народ и его сразу же убьют свои. Я не помню его фамилии но ее видимо нетрудно выяснить, ибо этому факту было много свидетелей и наверное он был зафиксирован кем-либо из работников аппарата ЦК Белоруссии, присутствующих при этом. Он был рослый, чуть полноватый мужчина, начальник одного из райотделов МГБ. Он конечно был отчислен из этой группы распоряжением Ворошилова. Подготовка группы закончилась и каждые один-два человека тут же в стороне отдельно от других в целях конспирации получали район действий куда они должны были в темноте уходить пешком и боевые задачи. Эта работа кропотливая и заняла много времени. Вечером я поехал в Могилев доложить К.Е. Ворошилову о том, что вся группа около 100 человек — направлена в заданные районы и начата подготовка другой группы в 280 человек партийно-советского актива Белоруссии. Кроме того начата подготовка нескольких одиночек специально отобранных из всей массы товарищей для особой работы в тылу фашистов. Ворошилов внимательно слушал и не исправляя утверждал мои предложения по дальнейшей работе. Он был явно чем-то расстроен и не говорил об этом, а спрашивать его я считал бестактным. Мне кажется, что он нервничал из-за того что не получил ответа на вчерашнюю телеграмму. Он с мрачным видом подвинул в мою сторону т-ммы и я ознакомился с их содержанием. В них говорилось о событиях на других участках обозначившегося явственно огромного советско-германского фронта. Т-ммы были из Москвы, и в них было мало что утешительного. Климент Ефремович тяжело переживал как и мы все наши неудачи. В этот вечер я понял всю серьезность и опасность нависшую над нашей Родиной. До этого я думал что наши неудачи случайные и через день-два наша армия начнет наносить сокрушительные удары по вероломному фашистскому врагу. Меня особенно поразили в тот вечер 28 июня 1941 года, в беседе лежавшего еще больным Шапошникова и Климента Ефремовича после долгой оценки обстановки и возможного хода событий, вдруг Климент Ефремович заявил как бы про себя: «Ну что же, придется готовиться и перейти к старой русской пословице — допустить до Можая, а от Можая гнать при этом». Откровенно говоря, у нас с Г.Л.Туманяном, который также присутствовал, от такого заявления мороз прошел по коже. Как неужели немец дойдет до Можая?! Мы позже, вспоминая это высказывание Ворошилова с Гай Лазаревичем решили отдавать все свои силы чтобы не допустить выход к Москве фашистскую сволочь.

Около десяти — одиннадцати часов вечера в вагон приехал Павлов, докладывать свои предложение по обстановке. Минут через 20 после его приезда и доклада

произошла сцена которую я до конца жизни не забуду. Когда Павлов доложил какие-то предложения, Ворошилов начал вдруг ему говорить о его несостоятельности как командующего округом и напомнил ему: «Помнишь, как ты на меня жалобу написал товарищу Сталину, что я не даю расти молодым кадрам, что я зажимаю твой рост, а теперь ты видишь что ты стоишь, понял ли теперь что тебе не только округ, тебе дивизию трудно доверить». Павлов вдруг совершенно неожиданно для всех повалился на колени перед Ворошиловым и начал произносить: «Простите меня дурака товарищ маршал Советского Союза, виноват перед Вами товарищ маршал Советского Союза, простите меня», и вдруг начал ловить руками и губами целовать ноги товарища Ворошилова обутые в сапоги. Ворошилов растерялся сперва от такой неожиданности, а потом крикнул на Павлово и брезгливо поморщившись сказал: «А я все же был лучшего мнения о тебе», и сильно выругавшись отошел. Шапошников с ужасом смотрел на эту сцену.

Я стоял и не мог понять такое малодушие Павлова. Неужели он хотел чтобы после того что произошло в Западном округе по его вине, его оставили командовать Западным фронтом? Или он понимал к чему идет дело. Или ему ранее днем сказал Ворошилов об его аресте? Не думаю. Эта сцена испортила и без того плохое настроение. Павлов быстро уехал после этого. Я вышел из вагона, в ночной темноте на западе, сколько видели глаза, полыхало зарево пожаров. Вскоре из вагона вышел Ворошилов и разглядев меня в темноте, показал на запад и сказал: «Да война началась не на жизнь а на смерть.» После этого велел разбудить шофера и ехать с ним в штаб фронта. В штабе фронта он остался, а я с его разрешения уехал в район подготовки особых кадров и до утра проводил занятия с ними по тактике партизанских и диверсионных действий. Занятия проводили практически ночью и днем. Эту группу утром 29-го июня (около 300 человек) мы опять направляли на выполнение боевых задач. Ворошилов и Пономаренко опять приехали по моей просьбе и говорили им теплые напутственные слова. Так зарождалось и начиналось партизанское движение в Белоруссии, своей героической борьбой прославившее Белоруссию и Советский Союз на весь мир как образец народной войны, руководимой непосредственно коммунистической партией против фашистских захватчиков. После отправки людей через линию фронта, мы поехали по различным направлениям искать Кулика, уточнять обстановку и устанавливать отходящие ли ведущие бой наши соединения и части с которыми была утеряна связь с первого же дня. Одной из наших задач являлось установление явок, связей, конспиративных квартир, тайников. Мы начали серьезно готовиться к борьбе в тылу наступающих немецко-фашистских захватчиков. Ворошилов вникал во все мелочи нашей работы учил и направлял нас всех на максимальный успех. Во второй половине 29 июня я проезжая на юг от Могилева заехал в штаб фронта доложить Ворошилову обстановку и дальнейшие намерения, был оставлен им в штабе. Он, как я понял, был очень расстроен. Я приписал сперва это тому что тов. Ворошилов уже несколько ночей не спит и очень устал. Спустя некоторое время он как-то необычно официально отдал мне распоряжение подогнать подготовленные видимо до моего приезда в штаб фронта в этот день автомашины с сильной охраной из состава охраны поезда и в его присутствии когда он объявит об аресте Павлова,

Климовских, Клича[123] и др. (которые тут же недалеко стояли) принять от них личное оружие, посадить в машины и организовать их сдачу начальнику охраны и обеспечить их выезд в Москву. Первым подошел ко мне сам Павлов, снял ремень с пистолетом и подав их мне, пожал мне крепко руку и сказал: «Не поминай лихом Ксанти, наверное когда-нибудь в «Могилеве» встретимся». Он был почти спокоен и мужественен в эту минуту в отличие от вчерашней ночи. Он первым сел в легковую машину голубого цвета. Вторым подал мне свое оружие начальник штаба округа Климовских. Он был спокоен, ничего не сказал и сел в ту же машину. Мы с ним ранее никогда не встречались. Третьим подошел ко мне замечательный товарищ, великолепный артиллерист — командующий артиллерией округа Клич. Мы хорошо знали друг друга по Испании и всегда встречались как хорошие товарищи. Это был весьма жизнерадостный человек. Он подал мне свое оружие с улыбкой, обнялся со мной и сказал мне тихо: «Вот как дело обернулось из-за этого фанфарона и самовлюбленного павлина». Как я понял он имел ввиду Павлова. Через несколько минут небольшая колонна тронулась в путь на Москву. Четыре пистолета были у меня в руках и я не знал куда их девать. Потом вдруг меня осенила мысль что пистолеты мне пригодятся для вооружения подготавливаемых нами будущих руководителей и организаторов партизанского движения в Белоруссии. Через день мы снова пускали в тыл к немцам очередную группу подготовленных нами партизанских организаторов. Личное оружие Павлова и других я вручил как мне казалось наиболее перспективным товарищам готовящимся стать партизанами. Фамилий их я не помню. Записал их в записной книжке но не знаю куда ее девал. Слишком много более важных событий прошло после этого на нашей земле, вероятно уничтожил в тяжелую минуту.

После отправления в Москву группы Павлова, я обратил внимание, что положение в штабе фронта ухудшилось. Увеличилась неуверенность, страх перед своими, как-то каждый с которым мне приходилось встречаться ушел в себя, усилилась нервозность. Вся большая работа, которую провел Ворошилов с первого же момента своего приезда в штаб — потерпела значительный урон. Меня удивляло, как наверху не понимали что арестом и расстрелом Павлова и остальных нанесено будет больше вреда, чем пользы по крайней мере на Западном фронте. Удивительно! Копец[124] — командующий ВВС покончивший с собой на второй день войны сохранил свое доброе имя в сердцах всех кто его знал и кто не знал. Сочли все-таки благородно то что он сделал с собой. Он показал себя в Испании геройски. Сочли что поступок его непростительный, но благородный, даже геройский. Но ведь его судьба была такая же как Павлова и других, неужели он это понимал? До пятого июля 1941 г. наша особая группа по указанию Ворошилова продолжала готовить в районе Могилева и забрасывать необходимые кадры организаторов будущей партизанской борьбы в тылу против немецко-фашистских захватчиков, организаторов диверсий, агентурно-разведывательной деятельности и руководителей подпольных партийных организаций и политической работы среди нашего населения на временно оккупированной фашистами советской территории.

Я не могу сказать здесь, что наряду с руководителями белорусской партийной организации (Пономаренко П.К., Киселев, Эйдинов, Мазуров[125], Козлов[126], Абросимов[127]

и многие, ставшие потом известными всему миру имена прославленных сынов героической Белоруссии) поистине великую роль сыграла деятельность опытных в этом деле военных товарищей, вложивших в дело создания и развития белорусского партизанского движения весь свой опыт, силы и способности. Мне хочется от всей души назвать прежде всего нашего руководителя Климента Ефремовича Ворошилова, Гая Лазаревича Туманяна, Василия Абрамовича Трояна, Сергея Антоновича Фомина, Николая Кирилловича Патрахалтуева[128], Михаила Абрамовича Мильштейна[129], Ивана Федоровича Демского[130], Валерия Знаменского[131], Щелокова Николая Иосифовича[132], Харитоненкова Григория Самсоновича[133], Герасимова Петра[134], Леонида Андреевича Щербакова и много других скромных, верных сынов нашей коммунистической партии. 3 июля штаб фронта переместился под Смоленск. Я даже толком не знаю кто же командовал фронтом после отъезда Ворошилова в Москву 4 июля 1941 г. Отдавали распоряжения и командовали в штабе фронта многие и все в качестве командующих Западным фронтом или членов Военного совета. Когда наша группа приехала 5 июля под Смоленск в штаб фронта, мы так и не узнали до 7 июля т.е. до отъезда по приказу на Ленинградский фронт, кто же командует Западным фронтом. Командовали в штабе Тимошенко, Мехлис, Буденный[135], Еременко[136] и т.д. и это создавало страшную нервозность, путаницу и неразбериху. Вдобавок ко всему некоторые из них, а также многие начальники крутившиеся в их орбите угрожали всем и вся расстрелами большей частью не понятно за что, что еще более ухудшало обстановку в самом штабе Западного фронта.

Не могу рассказать здесь одну небольшую подробность для характеристики людей. 3-го июля когда штаб фронта начал перемещаться из-под Могилева под Смоленск, мы с тов. Туманян Г.Л., Трояном В.А. и Фоминым были заняты переброской групп через линию фронта. Группы были очень важные и поэтому главные и основные по важности группы мы взяли с тов. Туманян на себя, а Троян и Фомин перебрасывали другие группы. Нам было известно что за наше отсутствие штаб фронта уйдет на новое место. Ворошилов при мне и Туманяне предупредил в присутствии Пономаренко наркома Внутренних дел Белоруссии Цанава оставить охрану и машины до нашего прибытия с задания для нашего следования после окончания работы с ней на новый командный пункт штаба фронта. Это распоряжение было отдано под страхом личной ответственности Цанавы. Однако, когда мы вечером приехали к условленному месту, там никаких представителей Цанавы и машин не оказалось. Напрасно мы ждали всю ночь, не веря в подобную недисциплинированность, да еще кого! — Наркома. Хорошо что умный и предусмотрительный Туманян оставил другую легковую машину данную нам ранее из ЦК партии Белоруссии в другом условленном месте и шофер этой машины коммунист Лаппо оказался более надежным и дисциплинированным чем нарком.

После завершения работ по подготовке и заброске белорусских партизанских кадров, наша группа начала проводить ту же работу на всей территории к востоку от Могилева включительно до Смоленской области, включая Брянскую, Гомельскую, Витебскую и др. области. 7 июля в штабе фронта мне объявили что есть шифровка из Москвы в которой приказывается Туманяну, Трояну и мне выехать немедленно

в Москву, откуда выехать в Ленинград для организации этой же работы перед Ленинградским и Северо-Западным фронтами в тылу немецко-фашистских оккупантов.

Когда мы приехали в Смоленск 5 июля, накануне город сильно бомбила немецкая авиация, хотя в самом городе никаких военных объектов не было. Центр города был разрушен и горел. Горели трупы и на поврежденных улицах валялись трупы женщин, детей. Глядя на это сердце наполнялось ненавистью к немецким фашистам, к незваным пришельцам на нашу священную землю. Мы остановились на улице и перед трупами невинно погибших наших советских граждан дали вдвоем с Г.Л. Туманян клятву мстить беспощадно подлому врагу до последней капли крови. Мне кажется что эту клятву мы выполнили с честью. Мне неудобно хвалить себя или моих друзей по большевистской партии и совместной работе, но думаю что краснеть нам перед Родиной и народом не приходится.

Посеянные нами заботливо семена дали небывалые всходы!

5 июля к вечеру Смоленск снова бомбила немецкая авиация. Удивительно! Не слышно было стрельбы нашей зенитной артиллерии и не видно было нашей истребительной авиации. Когда все стихло мы с Туманяном, Мильштейном и Трояном стояли у дороги на Смоленск и разговаривали о том что мы трое уезжаем, а Мильштейн М.А. назначенный заместителем начальника разведки Западного фронта принимает все то что мы сделали за все время. Мы все были еще уверены что немцы будут остановлены у стен Смоленска, и на этой линии примерно ему уготована смерть. К сожалению это произошло много позже и после слишком больших наших жертв. Вдруг во время нашего разговора поднялась отчаянная стрельба зенитной артиллерии в связи с тем что прилетели два наших И-16. Почему произошла эта ошибка никто так и не узнал, но мы были очевидцами как оба наших истребителя были сбиты своей же зенитной артиллерией. В это же время в штабе же фронта поднялась тревога. Когда я посмотрел в сторону бараков, я увидел что из окна выскочил известный мне военачальник. При прыжке он вывихнул себе ногу и его под руки увели в санчасть находившуюся рядом. На другой день 6 июля я увидел его с костылями и к моему удивлению с только что введенными знаками тяжелого и легкого ранениями — золотой и красной планочками. Я с большим удивлением смотрел на этого начальника. Чем-то он напоминал мне Павлова, но Павлов все-таки был честнее и умнее. Нам было очень жаль уезжать с Западного фронта, где так много было пережито всеми нами, и где, как нам все-таки и тогда казалось, решалась судьба нашей Родины. Впереди был Ленинград и как мы поняли перед нами была поставлена не менее почетная задача — отстоять и не дать врагу топтать фашистским сапогом мостовые колыбели Октябрьской Социалистической Революции — города Великого Ленина. Получив инструкции и указания мы 10 июля 1941 г. выехали из Москвы в Ленинград.

Генерал-полковник Х. Мамсуров.

12–25.12.1966 г.
г. Москва (Болшево).

РГВА. Ф. 41131. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–31.
Рукопись. Автограф.

[1] См., напр., содержательный биографический очерк: *Кочик В.* Разведчики и резиденты ГРУ. За пределами отчизны. М., 2004. С. 226–251.

[2] Так в тексте документа.

[3] Стрелкового полка.

[4] Областной чрезвычайной комиссии.

[5] Был назван в честь **Свердлова Якова Михайловича** (1885–1919) — видного советского партийного и государственного деятеля, председателя ВЦИК и секретаря ЦК РКП(б) с 21.11.1917 г.

[6] Дивизионная партийная комиссия.

[7] **Ворошилов Климент Ефремович** (1881–1969) — видный государственный и военный деятель СССР, нарком по военным и морским делам и председатель реввоенсовета в 1925–1934 гг., Маршал Советского Союза (1935).

[8] **Орджоникидзе Григорий Константинович** (Серго) (1886–1937) — видный партийный и государственный деятель СССР. В 1920–1926 гг. — председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б), 1-й секретарь Закавказского крайкома партии.

[9] Разведывательное управление Рабоче-крестьянской Красной Армии; создано 5 ноября 1918 года.

[10] В Испании.

[11] «Активная» разведка, т.е. диверсии.

[12] **Киров (Костриков) Сергей Миронович** (1886–1934) — видный советский партийный и государственный деятель, один из организаторов борьбы за советскую власть на Северном Кавказе.

[13] **Фрунзе Михаил Васильевич** (1885–1925) — видный советский военачальник, заместитель председателя и председатель Реввоенсовета СССР в 1924–1925 гг., заместитель наркома и нарком по военным и морским делам, начальник Военной академии, член СТО и начальник Штаба РККА.

[14] Ныне — Военный университет Минобороны России; создан 5 ноября 1919 года.

[15] Советское информационное бюро, создано 24 июня 1941 года.

[16] Административной службы.

[17] Фронт на Южной Украине и в Крыму в апреле-ноябре 1920 года.

[18] **Эрдели Иван Георгиевич** (1870–1939) — русский военачальник, генерал от кавалерии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Видный деятель Белого движения на Юге России. Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода, один из основателей Добровольческой армии.

[19] **Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич** (1887–1947) — генерал-лейтенант ВСЮР, видный военачальник в Белом движении. Казнен в 1947 году.

[20] Российский коммунистический союз молодежи, создан 29 октября 1918 года.

[21] Части особого назначения, существовали в период с 1919 по 1925 г.

[22] Особый отдел — подразделение советской военной контрразведки.

[23] **Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович** (1879–1953) — один из руководителей советского государства, генералиссимус Советского Союза (1945).

[24] Политическое управление РККА.

[25] **Жданов Андрей Александрович** (1896–1948) — видный советский партийный и государственный деятель, генерал-полковник (1944). В 1941–1944 гг. являлся одним из руководителей обороны Ленинграда.

[26] Районный центр в Новгородской области, город с 1937 года.

[27] **Черняховский Иван Данилович** (1906–1945) — советский военачальник, генерал армии (1945). Дважды Герой Советского Союза, погиб в ходе Восточно-Прусской операции.

[28] Националистические формирования, созданные и действовавшие на оккупированной немцами территории Украины, Белоруссии и Польши.

[29] Создан в 1966 году в структуре Академии наук СССР.

[30] **Тимофеев Тимур Тимофеевич** (1928–2013) — советский и российский экономист, историк, политолог. Доктор исторических наук (1965), член-корреспондент АН СССР с 1.07.1966 г. по Отделению экономики.

[31] **Долорес Ибаррури Гомес** (1895–1989) — деятель испанского и международного коммунистического движения, активный участник республиканского движения в годы Гражданской войны 1936—1939 годов, затем деятель эмигрантской оппозиции диктатуре Франко.

[32] **Диас Хосе Рамос** (1895–1942) — испанский профсоюзный деятель, генеральный секретарь Коммунистической партии Испании в 1932—1942 гг. Руководил компартией во время Гражданской войны в Испании, не занимая государственных постов.

[33] **Педро Чека** (1910–1942) — испанский политик, член ЦК Коммунистической партии Испании. Участник Гражданской войны в Испании, после поражения ушел в подполье. С 1939 г. жил в изгнании в Мексике.

[34] **Антонио Михе Гарсия** (1905–1976) — испанский политический и профсоюзный деятель. Член Коммунистической партии Испании. Во время Гражданской войны в Испании 1936–39 годов служил заместителем генерального комиссара Республиканской армии и военным комиссаром хунты обороны Мадрида. После поражения республиканцев был вынужден бежать во Францию, затем в Мексику. Впоследствии вернулся во Францию, где и умер.

[35] **Сантьяго Каррильо Соларес** (1915–2012) — испанский политический деятель, генеральный секретарь Коммунистической партии Испании. Сыграл одну из ключевых ролей в переходе Испании к демократической форме правления после смерти испанского диктатора генерала Франко в 1975 году.

[36] Имеется в виду Совет (Junta — *исп.*).

[37] **Анхель Галарса Гаго** (1891–1966) — член Республиканской партии радикал-социалистов. Занимал должности прокурора Республики, директора по Безопасности и министра внутренних дел, во время Второй Испанской Республики и последующей Гражданской войны.

[38] **Батов Павел Иванович** (1897–1985) — советский военачальник, генерал армии (1955), дважды Герой Советского Союза. Участник событий в Испании.

[39] **Верхильо Льянос Мантека** — один из руководителей вооруженных сил Испанской Республики, социалист, участник Гражданской войны в Испании.

[40] Бомбардировщик германской авиационной фирмы с одноименным названием.

[41] **Дуррути-и-Доминго Буонавентура** (1896–1936) — общественно-политический деятель Испании, ключевая фигура анархистского движения до и в период Гражданской войны в стране. Погиб во время обороны Мадрида.

[42] **Кармен (Корнман) Роман Лазаревич** (1906–1978) — советский кинооператор, кинодокументалист, фронтовой оператор, педагог, профессор. Народный артист СССР (1966). Герой Социалистического Труда (1976).

[43] **Спрогис Артур Карлович** (1904–1980) — советский военный разведчик, полковник (1943). Участник испанских событий.

[44] **Старинов Илья Григорьевич** (1900–2000) — советский военный разведчик, полковник. Участник событий в Испании (псевдоним — «Родолфо»).

[45] **Патрахальцев Николай Кириллович** (1908–1998) — советский военный разведчик, генерал-майор (1963). Участник испанских событий, воевал в составе 14-го (партизанского) корпуса.

[46] **Троян Василий Авраамович** (1906–1973) — полковник военной разведки, старший советник в период испанских событий.

[47] **Паршина Елизавета Александровна** (1913–2002) — после окончания Военной академии им. Фрунзе и московского Института иностранных языков направлена Главным разведывательным управлением РККА в Испанию, где воевала в разведывательно-диверсионном отряде Артура Спрогиса.

[48] **Мистон Любовь** — сведения отсутствуют.

[49] **Баймлер Ганс** (1895—1936) — немецкий коммунист, участник Гражданской войны в Испании.

[50] **Клебер Ганс** — сведения отсутствуют.

[51] **Матэ Залка (Бела Франкль, Матвей Михайлович Залка)** (1896–1937) — венгерский писатель и революционер, активный участник событий в Испании. Награжден республиканским орденом Освобождения Испании (посмертно).

[52] **Брон** — сведения отсутствуют.

[53] **Бучак** — сведения отсутствуют.

[54] **Цветков** — сведения отсутствуют.

[55] **Стадик Макс** — сведения отсутствуют.

[56] **Имич** — сведения отсутствуют.

[57] **Мигель Хусто Хулио** — командир партизанского отряда, мексиканец. Участник испанских событий.

[58] **Вольф Рихард** — сведения отсутствуют.

[59] **Горев Владимир Ефимович (Высокогорев — Высокогорец)** (1900–1938) — советский военный разведчик. Комдив. В Красной армии с 1918 г. В 1925–1927 гг. работал в Китае, в 1930–1933 гг. — нелегальный резидент в США, в 1936–1937 гг. — военный атташе в Испании. Арестован органами НКВД как «враг народа» в январе 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

[60] **Берзин Ян Карлович (Берзиньш Кюзис Петерис)** (1889–1938) — один из руководителей советской военной разведки. Армейский комиссар 2-го ранга (1937). С декабря 1917 г. в аппарате ВЧК РСФСР. В январе-мае 1919 г. — заместитель наркома внутренних дел Советской Латвии, с августа 1919 г. в Разведывательном управлении РККА. С апреля 1935 по июль 1936 г. — заместитель командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В 1936–1937 гг. — главный военный советник в армии республиканской Испании, псевдонимы «Гришин», «Старик». Арестован 27.11.1937 по ложному обвинению в заговоре против советской власти и шпионаже. Расстрелян как «враг народа» 29.07.1937. Реабилитирован посмертно.

[61] **Львович Давид Оскарович** (1898–1939) — кадровый советский военный разведчик, заместитель военного атташе СССР в Испании, майор. Псевдоним «Лоти». Незаконно репрессирован, реабилитирован.

[62] «Пирпич» — псевдоним Нестеренко И.Н.

[63] **Нестеренко Иван Никифорович** (1901–1981) — советский военный разведчик, дивизионный комиссар (1936). Участник испанских событий, незаконно репрессирован в 1938 году, реабилитирован.

[64] **Кузнецов Николай Герасимович** (1902–1974) — в 1936–1937 гг. военно-морской атташе и главный военно-морской советник в Испании, вице-адмирал (1956), Герой Советского Союза.

[65] **Павлов Дмитрий Григорьевич** (1897–1941) — советский военачальник, генерал армии (1941), Герой Советского Союза. По приговору военного трибунала расстрелян в 1941 году *«за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов без разрешения высшего командования, развал управления войсками, бездействие власти»*, реабилитирован в 1957 году.

[66] «Лукач» — псевдоним Матэ Залки.

[67] **Ратнер Иосиф Маркович** (1901–1953) — советский военачальник, генерал-майор танковых войск (1944). Участник событий в Испании, псевдонимы «Жуан», «Роттер».

[68] **Помощников Александр Иванович** (1895–1944) — советский военачальник, генерал-майор (1942). Участник испанских событий, псевдоним «Александер».

[69] **Кривошеин Семен Моисеевич** (1899–1978) — советский военный деятель, генерал-лейтенант танковых войск (1943 год). Герой Советского Союза, участник испанских событий, псевдоним «Мелле».

[70] **Арман Поль Матисович (Тылтынь Пауль)** (1903–1943) — советский офицер, полковник. Первый в истории Красной Армии танкист, удостоенный звания Героя Советского Союза. Участник испанских событий, псевдоним «майор Грейзе».

[71] «Капрони» — самолет итальянской авиастроительной компании «Капрони».

[72] **Сверчевский Кароль (Карл Карлович)** (1897–1947) — советский военный разведчик. С 1917 г. в Красной гвардии, участник Гражданской войны. В 1928–1931 гг. в разведотделе Штаба Белорусского военного округа. В 1931–1936 гг. начальник отделения 4-го разведывательного Управления Штаба РККА. В 1936–1938 гг. — участник Гражданской войны в Испании, псевдоним «Вальтер». Командир 14 интербригады. В 1939–1941 гг. — ст. преподаватель, начальник спец. (развед.) факультета Военной академии им. М.В. Фрунзе. Участник Великой Отечественной войны. На командных должностях в советских, с 1943 г. в польских частях. После войны — заместитель министра обороны Польши. Убит националистами УПА. Посмертно награжден орденом «Строитель Народной Польши».

[73] **Нанетти Нино** (1906–1937) — итальянский доброволец, коммунист. Активно участвовал в боях с мятежниками в Барселоне уже с 19 июля 1936 г. На Северный фронт прибыл весной 1937 г. 18 июля 1937 г. после ранения скончался в госпитале Сантандера.

[74] **Себастьян Посас Переа** (1876–1946) — испанский военачальник, генерал. Участник Гражданской войны 1936—1939 годов.

[75] **Мерецков Кирилл Афанасьевич** (1897–1968) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1944). Герой Советского Союза, участник испанских событий.

[76] **Кулик Григорий Иванович** (1890–1950) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1940). Герой Советского Союза, участник испанских событий, псевдоним «Купер».

[77] **Воронов Николай Николаевич** (1899–1968) — советский военачальник, главный маршал артиллерии (1944). Герой Советского Союза, участник испанских событий.

[78] «Ансальдо» — танкетка производства итальянской компании «Фиат».

[79] **Попов М.** — сведения отсутствуют.

[80] **Диегез Исидоро** (1909–1942) — деятель рабочего движения Испании. С 1937 г. — чл. ЦК КПИ. С 1938 — чл. Политбюро ЦК КПИ. В 1939 году эмигрировал. В 1942 году нелегально вернулся в Испанию для реорганизации Коммунистической партии Испании в подполье. Попал в руки фашистов и погиб.

[81] **Хосе Миаха Менант** (1878–1958) — испанский военачальник, участник Гражданской войны в Испании в 1936—1939 годах, генералиссимус армии республики (1939). Затем в эмиграции.

[82] **Кольцов Михаил Ефимович (Моисей Фридлянд)** (1898–1940) — русский советский публицист и писатель, журналист. Участник испанских событий, псевдоним «Мигель Мартинес». Незаконно репрессирован, реабилитирован.

[83] **Симонов Борис Михайлович** (1901–?) — кадровый советский офицер, полковник. Участник испанских событий, псевдоним «Валуа». Репрессирован.

[84] Имеется в виду **Берзин (Кюзис) Ян Карлович** (1889–1938) — знаменитый советский военный разведчик, армейский комиссар 2-го ранга. Участник испанских событий — главный военный советник. В 1937 году начальник РУ РККА, незаконно репрессирован, посмертно реабилитирован.

[85] **Луканов Карл Федорович** (1897–1982) — деятель болгарского коммунистического движения, в 1927 году эмигрировал в СССР. Участник испанских событий, псевдоним «Белов».

[86] **Козловский Фердинанд** — деятель болгарского коммунистического движения, участник испанских событий, псевдоним «Петров».

[87] **Эренбург Илья Григорьевич** (1891–1967) — русский писатель, поэт, публицист, журналист, переводчик с французского и испанского языков, общественный деятель, фотограф. В 1908—1917 и 1921—1940 годах находился в эмиграции, с 1940 года жил в СССР. Во время испанских событий — военный корреспондент «Известий».

[88] **Пумпур Петр Иванович (Петерис Пумпурс)** (1900–1942) — советский военачальник, участник Гражданской войны в Испании, командир истребительной группы Мадридского фронта, псевдоним «Полковник Хулио». Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации. Незаконно репрессирован, реабилитирован в 1955 году.

[89] **Смушкевич Яков Владимирович** (1902–1941) — советский военачальник, старший военный советник по авиации испанской республиканской армии, генерал-лейтенант авиации (1941). Дважды Герой Советского Союза, незаконно репрессирован в 1941 году, реабилитирован в 1954 году.

[90] **Тархов Сергей Федорович** (1909–1936) — советский летчик-истребитель, Герой Советского Союза. Погиб в Испании.

[91] **Пшеничников Афанасий Степанович** (1898-?) — советский военный разведчик, полковник (1941). Участник испанских событий, псевдонимы «Петров», «Зенде». Пропал без вести в июне 1941 года на фронте.

[92] **Никифоров Григорий Никифорович** (1907–1936) — советский летчик-штурмовик, погиб 4 декабря 1936 года.

[93] **Малиновский Родион Яковлевич** (1898–1967) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1944). Дважды Герой Советского Союза, участник испанских событий.

[94] **Максимов** — сведения отсутствуют.

[95] **Штерн Манфред Сальманович** (правильно — **Стерн**) (1896–1954) — сотрудник советской военной разведки. Участник Первой мировой войны. После окончания войны — сотрудник 4-го разведывательного управления Штаба РККА и военного аппарата Коминтерна. В 1927 г. — на разведработе в Китае. В 1930–1931 гг. резидент Разведупра в США. В 1932 г. — резидент в Маньчжурии. В 1932–1934 гг. — главный военный советник ЦК КПК. В 1935–1936 гг. в аппарате ИККИ. С 1936 г. участвовал в Гражданской войне в Испании (командир 11-й интербригады), псевдонимы «Фред» и «Клебер». В 1937–1938 гг. в секретариате ИККИ (политический помощник О. Куусинена). В 1938 г. арестован органами НКВД по ложному обвинению. Репрессирован, умер в феврале 1954 г. в лагере на ст. Сосновка. Реабилитирован посмертно.

[96] **Панов А.** — кадровый советский офицер, капитан (1937). Участник испанских событий.

[97] **Погодин Дмитрий Дмитриевич** (1907–1943) — командир танковой роты в войсках республиканской Испании, генерал-майор (1943). Герой Советского Союза, погиб в бою под г. Харьковом.

[98] Пропущено в тексте.

[99] **Валентин Гонсалес Гонсалес** (1904–1983) — испанский военный и политический деятель-коммунист, один из республиканских командиров в Гражданской войне в Испании, псевдоним «Кампенсино». В СССР получил прозвище «Испанский Чапаев».

[100] **Линия Маннергейма** — комплекс оборонительных сооружений между Финским заливом и Ладогой, созданный в 1920—1930 годы на финской части Карельского перешейка для сдерживания возможного наступательного удара со стороны СССР.

[101] **Мехлис Лев Захарович** (1889–1953) — советский военачальник, генерал-полковник (1944). В 1937–1940 гг. начальник ПУРККА.

[102] **Щаденко Ефим Афанасьевич** (1885–1951) — советский военачальник, генерал-полковник (1942). С ноября 1937 г. заместитель наркома обороны, начальник управления по командному и начальствующему составу РККА.

[103] **Деревянко Кузьма Николаевич** (1904–1954) — советский военачальник, генерал-лейтенант (1945).

[104] Так в тексте.

[105] Начальником РУ РККА в это время был **Филипп Иванович Голиков** (1900–1980) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1961).

[106] Имеются в виду списки военнослужащих, подготовленные НКВД СССР для их ареста. Как правило, они согласовывались с руководителями ведомств, пользовавшихся особым доверием И.В. Сталина.

[107] **Шапошников Борис Михайлович** (1882–1945) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1940). Заместитель наркома обороны в 1940–1942 гг.

[108] **Тимошенко Семен Константинович** (1895–1970) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1940). Дважды Герой Советского Союза, в 1940–1941 гг. — нарком обороны СССР.

[109] **Жуков Георгий Константинович** (1896–1974) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1943). Четырежды Герой Советского Союза, в январе-июле 1941 года — начальник Генштаба — заместитель наркома обороны СССР.

[110] Т.е. воевал в частях 1-й Конной армии.

[111] **Туманян Гай Лазаревич** (1901–1971) — советский военный деятель, генерал-лейтенант танковых войск (1945). Участник испанских событий, псевдоним «Андрей».

[112] **Троян Василий Авраамович** (1906–1973) — советский военный разведчик, полковник. Участник Гражданской войны в Испании, советник, старший военный советник 14-го (партизанского) корпуса республиканской армии.

[113] **Фомин Сергей Антонович** (1909-?) — советский военный разведчик, генерал-майор (1955).

[114] **Маслов** — сведения отсутствуют.

[115] Вероятно: **Щербаков Леонид Андреевич** (1901) — генерал-майор (1943).

[116] **Фоминых Александр Яковлевич** (1901–1976) — корпусной комиссар, генерал-лейтенант (1958). Понижен в звании до полковника в 1941-м, репрессирован не был.

[117] **Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич** (1902–1984) — советский партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант (1943). В 1938–1947 гг. 1-й секретарь ЦК Компартии Белоруссии.

[118] **Цанава Лаврентий Фомич** (1900–1955) — деятель ВЧК—ОГПУ—НКВД СССР—МГБ, генерал-лейтенант, заместитель министра госбезопасности СССР в 1951—1952 годах, нарком внутренних дел БССР в 1938–1941 годах, Министр Государственной безопасности БССР в 1943—1951 годах.

[119] **Григорьев Андрей Терентьевич** (1889–1941) — советский военачальник, генерал-майор войск связи (1940). Расстрелян в 1941 году, реабилитирован.

[120] **Климовских Владимир Ефимович** (1885–1941) — советский военачальник, генерал-майор (1940). Расстрелян в 1941 году, реабилитирован.

[121] **Эйдинов Григорий Борисович** (1908–1977) — один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, в 1940–1944 гг. секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В 1942 году возглавлял Северо-Западную оперативную группу ЦК КП (б) Белоруссии и СНК БССР по организации партийного подполья и партизанских отрядов на оккупированной территории БССР.

[122] **Вероятно, Киселев Кузьма Венедиктович** (1903–1977) — белорусский советский политик и дипломат.

[123] **Клич Николай Александрович** (1895–1941) — советский военачальник, генерал-лейтенант артиллерии (1940), начальник артиллерии Западного особого военного округа. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

[124] **Копец Иван Иванович** (1908–1941) — летчик-истребитель, генерал-майор авиации, командующий ВВС Западного фронта в начале Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза за воздушные бои в Испании. Покончил с собой в первый день войны.

[125] **Мазуров Кирилл Трофимович** (1914–1989) — советский партийный и государственный деятель. В 1941–1942 гг. — в Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, был ранен. В сентябре 1942 направлен в тыл немецких войск в Белоруссию в качестве представителя Центрального штаба партизанского движения в звании подполковника, где до конца 1943 г. работал в партизанских соединениях; был секретарем подпольного ЦК ЛКСМ Белоруссии. Герой Социалистического труда (1974).

[126] **Козлов Василий Иванович** (1903–1967) — один из видных организаторов партизанского движения на временно оккупированной территории Белоруссии, генерал-майор (1943).

[127] **Абросимов** — сведения отсутствуют.

[128] Имеется в виду **Патрахальцев Николай Кириллович** (1908–1998) — советский военный разведчик, генерал-майор (1963). Участник испанских событий, воевал в составе 14-го (партизанского) корпуса.

[129] **Мильштейн Михаил Абрамович** (1910–1992) — советский военный разведчик, генерал-лейтенант (1966). В первые годы войны работал разведывательных подразделениях Западного и Резервного фронтов

[130] **Демский Иван Федорович** — советский военный разведчик, подчиненный полковника Мамсурова по «Особой группе».

[131] **Знаменский Валериан Сергеевич** (1903–1988) — советский военный разведчик, полковник. Герой Советского Союза.

[132] **Щелоков Николай Иосифович** — советский военный разведчик, полковник.

[133] **Харитоненков Григорий Самсонович** — советский военный разведчик, сотрудник «Особой группы» полковника Мамсурова.

[134] **Герасимов Петр Степанович** — советский военный разведчик, участник испанских событий.

[135] **Буденный Семен Михайлович** (1883–1973) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935). Трижды Герой Советского Союза, член Ставки ВГК, командующий группой войск армий резерва Ставки.

[136] **Еременко Андрей Иванович** (1892–1970) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1955). Герой Советского Союза, в начале войны занимал пост заместителя командующего Западным фронтом.

МАРКОВЧИН ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ (ВИ) Военной Академии Генерального штаба ВС России. (histudies@gmail.com). Россия.

ШИРОКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА — научный сотрудник НИИ (ВИ) Военной Академии Генерального штаба ВС России, (histudies@gmail.com). Россия.